

От автора

New York Times Bestseller

Орудия Смерти

Книга первая

ХРОНИКИ АКАДЕМИИ
СУМЕРЕЧНЫХ
ОХОТНИКОВ
КАССАНДРА КЛЭР

Сумеречные охотники

Кассандра Клэр

**Хроники Академии Сумеречных
охотников. Книга I (сборник)**

«АСТ»

2010

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

Клэр К.

Хроники Академии Сумеречных охотников. Книга I (сборник) /
К. Клэр — «АСТ», 2010 — (Сумеречные охотники)

В этой книге собраны первые пять историй о событиях, происходивших в Академии Сумеречных охотников и о которых еще никому не известно! Саймон Льюис и подумать не мог, что станет Сумеречным охотником, но теперь ему предстоит пройти обучение в Академии... Пять историй о самом страшном преступлении, которое может совершить Сумеречный охотник, о буднях Академии и о том, почему Саймон вдруг взбунтовался против принятых здесь правил. Читателя также ждет неожиданный поворот в деле Джека Потрошителя; неизвестные подробности отношений Саймона, Изабель и Клэри и долгожданная встреча с другими героями книг Кассандры Клэр!

УДК 821.111(73)
ББК 84(7 Сое)

© Клэр К., 2010
© АСТ, 2010

Содержание

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан	6
Кассандра Клэр, Робин Вассерман	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

**Кассандра Клэр, Морин Джонсон,
Сара Риз Бреннан, Робин Вассерман
Хроники Академии Сумеречных
охотников. Книга I (сборник)**

Cassandra Clare

The Tales From The Shadowhunter's Academy

Печатается с разрешения авторов и литературных агентств Baror International, Inc. и Nova Littera SIA

Copyright © 2010 by Cassandra Clare, LLC

© Н. Власенко, перевод на русский язык

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Кассандра Клэр, Сара Риз Бреннан

Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников

Саймон понятия не имел, что значит «клево потусить». И в этом вся проблема.

Сходить в поход с палатками? Да о чем речь! Остаться ночевать у Эрика или рвануть куда-нибудь на выходные – подзаработать на жизнь? Не вопрос. Смотаться с мамой и Ребеккой поближе к морю и солнцу? Никаких проблем. В любую минуту бросаешь в рюкзак лосьон для загара, шорты, пару подходящих футболок и чистое белье – и всё, считай, готов.

К нормальной жизни, разумеется.

А вот к чему он точно не был готов – так это к тому, что окажется на элитной тренировочной базе, где нефилиты – они же борцы с демонами, они же Сумеречные охотники – попробуют сделать из него еще одного члена своего воинственного племени.

И какие, интересно, вещи могут ему там понадобиться?

В книжках и фильмах эту тему как-то ловко обходят: либо герои оказываются в волшебной стране чуть ли не в той же пижаме, в которой встали с кровати, либо вообще никто даже пальцем не шевелит, а все прибабасы появляются как будто сами собой. Да, средства массовой информации определенно упускают самое главное... А ему-то что теперь делать? Закинуть в сумку парочку кухонных ножей? Или в срочном порядке освоить искусство боя на тостерах?

Так и не решив, какой вариант лучше, Саймон выбрал самый безопасный вариант: чистое белье и прикольные футболки. Сумеречным охотникам ведь нравятся прикольные футболки? Да ладно, они всем нравятся.

– Даже не могу представить, как в военной академии отнесутся к футболкам с неприличными шутками.

Сердце скакнуло к горлу. Саймон повернулся – слишком быстро для обычного человека.

Мама стоит в дверях. Руки скрещены на груди; беспокойство на лице кажется еще сильнее обычного. Взгляд, которым она смотрит на сына, как всегда, полон любви и заботы.

Ага. Если забыть о том, что, когда ее сын стал вампиром, она вышвырнула его из дома. Но об этом она не помнит.

Об этом помнит только Саймон.

Как раз поэтому он и собирается сейчас в Академию Сумеречных охотников. И на голубом глазу заявил матери, что отчаянно хочет уехать. Магнус Бейн – маг с кошачьими глазами (и да, они у него правда кошачьи) – состряпал липовую бумажку и без труда убедил ее, что Саймон получил стипендию (липовую!) в некой военной академии (тоже, естественно, липовой!).

Так что Саймону не придется теперь каждый день видеть маму и вспоминать, какими глазами она на него смотрела, когда боялась и ненавидела его.

Когда предала его.

– Да ладно, мам, футболки вполне приличные, – ответил он. – Я же не совсем спятил. Ничего такого там нет. Даже для солдат, которые юмора вообще не понимают. Джентльменский набор королевского шута, вот и всё. Честное слово.

– Я тебе верю. Иначе никуда бы не отпустила.

Подойдя к сыну, она чмокнула его в щеку. Саймон вздрогнул. И понял, что маму это удивило. Но она ни слова ему не сказала – не перед расставанием же выяснять отношения.

– Я люблю тебя. Помни об этом, – добавила она.

Саймон чувствовал, что несправедлив сейчас, но ничего не мог с собой поделать. Мать выгнала его, считая, что под маской родного сына скрывается чудовище, – хотя должна была любить, несмотря ни на что. Он точно это знал и не мог простить такого предательства.

Пусть она об этом никогда не вспомнит, пусть даже никто в мире об этом не будет знать – Саймон не забудет. Просто не сможет.

И поэтому уходит.

Он постарался расслабиться и не отстраняться от объятий, чтобы не напугать маму еще больше. Положил руку ей на предплечье.

– Я там наверняка буду занят по горло. Но попытаюсь не забыть.

Он отступила на шаг.

– Вот и умница. Тебя точно друзья довезут? Может, такси вызвать?

Она имела в виду Сумеречных охотников (Саймон выдал их за однокашников, сподвигших его поступить в ту самую военную академию). Кстати говоря, вот и еще одна причина уйти из дома. Друзья.

– Точно. Пока, мам. Я тебя люблю.

Саймон не кривил душой. Он никогда не перестанет любить маму – ни в этой жизни, ни в какой-либо другой.

Я люблю тебя безо всяких условий, – говорила она когда-то еще маленькому Саймону. – Так любят родители. И им все равно, какой у них ребенок.

Люди так легко произносят эти слова. Им даже в голову не приходит, что мир может перевернуться, как и в страшном сне не приснится, – и любовь исчезнет, словно ее и не бывало. И уж тем более никто не помышляет, что любовь может просто не пережить испытаний.

Ребекка прислала ему открытку: «Удачи, салага!» Мягкий голос сестры, ее рука, обнимающая его за плечи, – вот дверь, которая никогда не закрывалась, в отличие от двери родного дома. Саймон помнил, что сестра любила его всегда, несмотря ни на что. Но этого недостаточно, чтобы остаться.

На самом деле он уже просто не мог дальше разрываться между двумя мирами и двумя комплектами воспоминаний. Надо бежать, пока не поздно. Надо пойти и совершить какой-нибудь подвиг, стать героем – в конце концов, такое с ним уже случалось. Тогда, по крайней мере, мир хоть чуть-чуть перестанет быть бесполезным. И жизнь обретет капельку смысла.

Лишь бы только ему самому от этого не стало еще хуже.

Саймон закинул сумку на плечо и вышел на крыльцо. Положил в карман открытку сестры. Он снова уходит из дома – и снова уносит с собой любовь Ребекки.

История повторяется.

Хотя никто из обитателей Института в Академию не собирался, Саймон все равно пообещал, что заглянет к ним и попрощается перед отъездом.

Было время, когда он и сам мог пробиться через чары, окружающие здание. Но сейчас ему без помощи Магнуса не обойтись.

Разглядывая внушительную и одновременно изящную громаду Института, Саймон с беспокойством и смущением вспоминал, что столько раз проходил мимо – и видел лишь заброшенные руины. Да, это другая жизнь. В голове невольно всплыли слова Библии – о детях, которые смотрят на мир словно бы через тусклое стекло. Но когда вырастаешь, начинаешь видеть ясно¹. Впечатляющее здание возвышалось над ним во всей своей красе. Словно оно и построено-то было лишь затем, чтобы показать людям их ничтожность, чтобы каждый, кто входит внутрь, чувствовал себя муравьем, копошащимся где-то там, внизу.

Толкнув тяжелые узорчатые ворота, Саймон спустился с узкой тропинки, оббегающей Институт по периметру, и зашагал прямо по лужайке.

¹ Имеется в виду отрывок из Послания апостола Павла к Коринфянам: «Когда я был младенцем, то по-младенчески говорил, по-младенчески мыслил, по-младенчески рассуждал; а как стал мужем, то оставил младенческое. Теперь мы видим как бы сквозь [тусклое] стекло, гадательно, тогда же лицом к лицу; теперь знаю я отчасти, а тогда познаю, подобно как я познан» (1 Кор. 13:11, 12). – *Примеч. пер.*

Стены вокруг Института отгораживали от шумных нью-йоркских улиц небольшой сад, каким-то чудом умудрявшийся выживать в чадном городском воздухе. Широкие каменные дорожки. Скамьи. Статуя ангела, от которой у фанатов «Доктора Кто» точно бы взыграли нервы. Правда, ангел не плакал – но уныния в его взгляде, на вкус Саймона, было многовато. На каменной скамье посреди сада расположились Магнус Бейн и Алек Лайтвуд, высокий темноволосый Сумеречный охотник, сильный и немногословный – по крайней мере, в присутствии Саймона он обычно держал язык за зубами. Магнус, тот самый маг с кошачьими глазами, как всегда, выпендривался: сегодня он выбрал футболку с черно-розовыми полосками, сидевшую на нем в обтяжку. Магнус и Алек уже довольно давно встречались, так что, похоже, надоедливая болтливость мага объяснялась необходимостью говорить за двоих.

За ними, прислонившись спиной к стене и задумчиво глядя вдаль, куда-то поверх деревьев, замерла Изабель. Выглядела девушка так, словно ее застали посреди шикарной фотосессии для какого-нибудь гламурного журнала. Впрочем, она всегда так выглядит. Это ее талант.

Клэри, опершись о стену плечом, не сводила взгляда с лица Изабель и что-то упорно ей втолковывала. Саймон даже не сомневался, что с *ее*-то талантом добиваться своего она рано или поздно заставит подругу обратить на нее внимание.

При виде любой из этих девушек сердце Саймона всегда болезненно сжималось, словно в грудь воткнули нож. А при виде обеих сразу боль стала практически невыносимой и отпускать не спешила.

Поэтому Саймон предпочел побыстрее перевести взгляд на Джейса. Тот, опустившись на колени в давно не стриженную траву, точил о камень короткий кинжал. Возможно, у него были причины делать это именно здесь и именно таким образом; хотя, скорее всего, Джейс просто знал, что за таким занятием выглядит неотразимо, и работал на публику. У них с Изабель получилось бы отличное фото на обложку еженедельника «Круче всех».

Итак, собрались все. Ради него.

Наверное, они его действительно любят и ценят. Но Саймону сейчас было все равно. Он чувствовал только странную раздвоенность. Какие-то кусочки воспоминаний говорили ему, что он хорошо знает людей, ждущих его в саду Института, что это его друзья. Но остальные фрагменты памяти – целая жизнь, если уж на то пошло, – утверждали совершенно обратное: что все пятеро – вооруженные, сильные и опасные незнакомцы, от которых лучше держаться подальше.

На самом деле это вовсе не они, а старшие Лайтвуды, мать и отец Алека и Изабель, а вместе с ними и другие взрослые члены Конклава предложили Саймону пройти обучение в Академии, если он хочет стать Сумеречным охотником. Двери этого заведения открылись впервые за несколько десятков лет – перед теми, кто мог бы пополнить ряды охотников, изрядно поредевшие в недавней войне.

Клэри идею не одобрила. Изабель вообще ничего по этому поводу не сказала, но Саймон знал, что ей тоже не понравилось предложение родителей. Джейс заявил, что сам прекрасно может выучить кого угодно – здесь, в Нью-Йорке, причем всем предметам сразу, и предложил ускоренную программу, чтобы Саймон быстро догнал Клэри.

Какая трогательная забота. В другое время Саймон непременно воспользовался бы этим предложением, да и они с Джейсом, вероятно, дружили по-настоящему, хоть он этого и не помнил. Но ужасная правда заключалась в том, что он не хотел оставаться в Нью-Йорке.

Не хотел оставаться рядом с *ними*.

Потому что просто не смог бы вынести постоянное разочарованное ожидание, явно написанное на их лицах – особенно у Клэри и Изабель. На него смотрели как на давно знакомого, прекрасно известного человека – и чего-то от него ждали. А он каждый раз приходит – и ничего. Пустота. Словно раскапываешь яму, в которой когда-то спрятал нечто ценное, копаешь, копаешь и понимаешь: что бы ты ни спрятал в этой яме – его там уже нет. А ты все равно

копаешь, потому что не можешь смириться с потерей, потому что это ужасно и потому что... ну а вдруг?

А вдруг.

Он, Саймон, и есть то самое потерянное сокровище. Он и есть то самое «а вдруг». И именно это он и ненавидит.

Вот он, секрет, который Саймон всеми силами старался от них скрыть. Потому что боялся, что его однажды снова предадут.

Надо просто как-то пережить прощание. Выйдя за ворота Института, он исчезнет – и не появится до тех пор, пока не сможет снова стать тем Саймоном, которого они хотят видеть. По крайней мере, тогда не останется места разочарованиям и никто не будет смотреть на него как на пришельца с другой планеты. Он станет своим.

Саймон не хотел, чтобы его заметили все разом. Бесшумно ступая по траве, он остановился рядом с Джейсом.

– Привет.

Джейс поднял взгляд, равнодушно скользнул по его лицу золотыми глазами и снова отвернулся.

– А-а, это ты.

Слова прозвучали так, будто Джейс и не торчал невесть сколько в саду Института в ожидании Саймона, чтобы попрощаться с ним. Впрочем, чего еще ждать от парня, чье кредо – «Я слишком крут, чтобы ходить в школу», а второе имя – себялюбие?

– А я-то уж думал, не видать мне второго шанса, – отозвался Саймон. – Все-таки мы с тобой крепко связаны, как ни крути.

Джейс на секунду поднял на него взгляд – лицо застывшее, словно маска, – и вновь уставился себе под ноги.

– Вот именно. Мы с тобой – как вот это, – он скрестил пальцы. – А вообще-то даже больше. Скорее, как это, – он попытался скрестить уже скрещенные пальцы еще раз. – Сначала, правда, были у нас с тобой нелады – если ты когда-нибудь сможешь вспомнить об этом, – но потом мы это дело разрушили. Когда ты приехал и заявил, что просто все это время жутко мне завидовал, потому что я – ты вот точно так и сказал – потрясающий красавчик и неотразимый очаровашка.

– Серьезно, что ли?

Джейс ткнул его кулаком в плечо.

– Абсолютно, старик. Я помню это слово в слово.

– Ладно, неважно. Дело в том... – Он перевел дух. – При мне Алек никогда ни слова не говорит. Он просто застенчивый, или это я так сильно его раздражаю и не помню об этом? Не хочется уезжать, не разобравшись и не исправив того, что можно исправить.

Лицо Джейса снова закаменело.

– Рад, что ты спросил, – наконец сказал он. – Вообще-то, если ты не заметил, есть еще кое-какие проблемы. Девчонки не хотели, чтобы я тебе это рассказывал, но штука в том, что...

– Джейс, хватит отнимать у нас Саймона.

Клэри произнесла это твердым голосом, как всегда, и Джейс тут же обернулся и ответил ей – тоже как всегда. Только с ней одной он разговаривал вот так, больше ни с кем.

Клэри направилась к ним, и чем ближе Саймон видел ее рыжие волосы, тем больше проворачивался нож, засевший в сердце. *Какая она все-таки маленькая.*

На одной из злополучных тренировок – Саймон тогда потянул запястье и был из участника временно переведен в статус наблюдателя – Джейс бросил Клэри в стену. Через несколько секунд девушка ответила ему тем же.

И все-таки Саймону по-прежнему казалось, что ее нужно защищать. Вот еще один его личный кошмар – эмоции без воспоминаний. Так и спятить недолго: он точно знает, какие

чувства испытывает к этим пятерым незнакомцам, но не может объяснить их. Не может вспомнить. Не может дать друзьям то, чего они хотят. Как будто все эмоции и ощущения – вполсилы.

Клэри телохранитель точно не нужен, но где-то в глубине души Саймона прочно засел призрак – парень, всегда готовый встать на защиту этой хрупкой рыжеволосой девушки. А он теперешний, без памяти и без нормальных эмоций, точно не может им быть. Оставаться рядом с Клэри, пока он вот такой, – только зря расстраивать ее.

Нет, память понемногу возвращалась. Иногда воспоминания захлестывали его с головой, но чаще всего проступали только крохотные кусочки мозаики, упорно не складывавшиеся в целую картину. Вот они с Клэри, совсем маленькие, идут в школу, и он держит ее крошечную ладонь в своей руке. Тогда он гордился и чувствовал себя большим – взрослым и ответственным за нее. И ему даже в голову не могло прийти, что настанет день, когда он ее подведет.

– Привет, Саймон.

Глаза Клэри блестели от слез, и он знал: девушка плачет из-за него. Взяв ее за руку, Саймон почувствовал, какая все-таки у нее маленькая ладошка – когда-то нежная и мягкая, но теперь огрубевшая от оружия и постоянного рисования. Если бы он только мог поверить, что он и впрямь ее верный защитник, – что осколки воспоминаний ему не лгут!

– Клэри, пожалуйста, будь осторожна. Я знаю, ты сможешь. – Он чуть помедлил. – И позаботься о нашем бедном беспомощном блондине.

Джейс ответил ему неприличным жестом, и Саймон вдруг понял, что ничуть этому не удивляется. Скорее, даже наоборот.

Вот и еще один кусочек мозаики.

Из-за угла Института вышла Катарина Лосс. Джейс тут же опустил руку.

Эта женщина тоже была магом, как и ее друг Магнус. Только вместо кошачьих глаз у нее была другая особенность – синяя кожа. Саймон почувствовал, что не особо ей нравится. Может, маги вообще любят только магов? Хотя вот Магнусу же Алек вроде нравится...

– Всем привет, – сказала Катарина. – Ты готов?

Саймон ждал этого несколько недель. Но сейчас почувствовал, как в горло, словно когтями, вцепилась паника.

– Почти. Еще пару секунд.

Он кивнул Алеку с Магнусом – те кивнули в ответ. Надо бы все-таки разобраться, что произошло между ним и Алеком, прежде чем очертя голову соваться в самое пекло.

– Пока, ребята, спасибо за все.

– Было большим удовольствием снять с тебя чары... пусть даже частично. – Магнус поднял руку. Множество перстней, усеивавших пальцы мага, ослепительно сверкнули в свете весеннего солнца. Должно быть, он не только волшебством ослепляет своих врагов, мимоходом подумал Саймон. Иначе зачем ему столько колец?

Алек просто кивнул.

Наклонившись и стараясь не обращать внимания на боль в груди, Саймон обнял Клэри. Ее запах, чувства, которые рождались в нем от этих объятий, казались одновременно незнакомыми и привычными. Мозг заявлял одно, тело утверждало другое. Он попытался не обнимать девушку слишком крепко, хотя она сама, похоже, вознамерилась его раздавить. Но возражать ему бы и в голову не пришло.

Наконец отпустив Клэри, Саймон повернулся и обнял Джейса. Клэри смотрела на них. По щекам девушки бежали слезы.

– Уф, – Джейс явно был ошарашен. Хлопнул Саймона по спине и тут же отстранился.

Саймон понятия не имел, как это принято у Сумеречных охотников. Видимо, они обычно ограничивались дружескими тычками. Или каждый по-своему? Может, Джейса раздражало, что у него от этих объятий прическа испортилась? А, неважно.

Осталось самое главное.

Собрав всю храбрость, Саймон развернулся и подошел к Изабель.

Она – последняя, кому он должен сказать «до свидания». И с ней это труднее всего. Изабель не Клэри – слез от нее не дождешься. Но и на других она не похожа. Джейсу, Алеку и Магнусу, по крайней мере, жаль, что он уезжает, – но, в принципе, их мир от этого не перевернется. Изабель же казалась совершенно равнодушной – слишком равнодушной. Саймон знал, что на самом деле все не так.

– Я планирую вернуться, – сказал он.

– Кто бы сомневался, – Изабель смотрела вдаль, куда-то за его плечо. – Ты вечно высказываешь в самый неподходящий момент.

– Вот увидишь, я еще всех удивлю.

Саймон вовсе не был уверен, что ему удастся сдержать обещание. Просто... надо же было что-то сказать. Он знал: Изабель хочет, чтобы он вернулся – но не таким, как сейчас. Она хочет, чтобы вернулся прежний Саймон.

Девушка пожалала плечами.

– Не рассчитывай, что я буду ждать, Саймон Льюис.

Но прозвучало это не менее фальшиво, чем всеми силами демонстрируемое наигранное безразличие.

Саймон несколько секунд не сводил с Изабель взгляда. Потрясающе красивая – чересчур красивая, чтобы можно было вот так запросто ее удержать. Он так до конца и не поверил своим новым воспоминаниям. Мысль, что Изабель Лайтвуд – его девушка, казалась не менее невероятной, чем существование вампиров и то, что Саймон когда-то был одним из них. Саймон понятия не имел, как умудрился завоевать эту неприступную красавицу – и как сделать это снова. Все равно что его бы попросили полететь.

Тогда, несколько месяцев назад, она и Магнус приехали к нему домой и попытались восстановить память. Сделали все, что могли, но этого оказалось недостаточно.

С тех пор они с Изабель один раз танцевали, дважды пили вместе кофе, но... вместо воспоминаний – по-прежнему пустота. И каждый раз, когда они встречались, девушка не сводила с Саймона испытующего взгляда, словно ждала чуда. Но чудо это – он знал – ему не под силу.

Рядом с Изабель у него пропадал дар речи – больше всего Саймон боялся ляпнуть что-то не то и разрушить все, что с таким трудом воссоздано. Не хватало еще, чтобы девушка страдала из-за него.

– Ну что ж поделать, – сказал он. – Я буду по тебе скучать.

По-прежнему не глядя на Саймона, Изабель схватила его за руки.

– Если я тебе понадобится – только позови.

И сразу отпустила – так же резко.

– Окей. – Он отступил в сторону, где Катарина Лосс уже наводила портал в Идрис – страну Сумеречных охотников. Расставание получилось таким неуклюжим и болезненным, что Саймону совершенно наплевать было на удивительное волшебство, творящееся прямо перед ним.

Он помахал всем пятерым – людям, которых едва знал, но все равно любил. И надеялся, что они никогда не узнают, с каким облегчением он сейчас с ними расстается.

Словно гора с плеч свалилась.

Кое-что об Идрисе Саймон помнил: башни, тюрьма, строгие лица, кровь на улицах – но все это случилось в городе, в Аликанте.

А портал вывел их с Катариной за город, в долину, склоны которой изумрудно зеленели от пышных лугов. На мили вокруг – только различные оттенки зеленого, сменяющие друг друга до самого горизонта, где в солнечном сиянии хрустально сверкали башни Города Стекла.

В другую сторону тянулись леса – темно-зеленое изобилие, испещренное тенями. Верхушки деревьев трепетали на ветру, словно павлиньи перья.

Катарина огляделась, сделала несколько шагов и оказалась прямо на вершине холма. Саймон последовал за ней. В то же самое мгновение тень от ближайшего леса накрыла их с головой, как полупрозрачная вуаль.

В следующую секунду Саймон обнаружил, что стоит на краю тренировочной площадки – ровного поля, со всех сторон обнесенного оградой. Глубокие метки в земле показывали, куда нужно бежать или в какую сторону метать оружие.

В середине площадки, в самом сердце леса, словно вставленное в оправу из вековых деревьев, возвышалось настоящее чудо архитектуры – высокое серое здание с башенками и шпилями. На ум Саймону пришло мудреное слово «контрфорс» – а как иначе описать, что камень, вырезанный в форме ласточкиных крыльев, поддерживает крышу?

Фасад здания украшал витраж. В потемневшем от времени изображении еще можно было угадать величавого и жестокого ангела, воинственно поднявшего меч.

– Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников, – нежным голосом пропела Катарина.

И стала спускаться по склону. Саймон шел рядом, кроссовки его скользили по мягкой, осыпающейся земле, так что Катарине даже пришлось ухватить его за рукав куртки, чтобы не дать скатиться по холму.

– Надеюсь, ты захватил туристические ботинки.

– В жизни не носил ничего подобного, – отозвался Саймон, уже понимая, что выбор вещей оказался не совсем верным. Инстинкты его не подвели – они просто оказались совершенно бесполезны.

Катарина, видимо, окончательно разочаровавшись в Саймоне – даже не смог узнать, что нужно взять с собой! – притихла и молча шла под сенью ветвей, в зеленом лесном сумраке. Деревья понемногу редели, расступались; наконец в лицо ударил солнечный свет, и Академия выросла перед ними во всей своей красе.

Чем ближе они подходили, тем больше мог разглядеть Саймон – и здание уже не казалось ему таким прекрасным, как там, на вершине холма, когда он был исполнен благоговейного страха. Одна из высоких тоненьких башен угрожающе наклонилась. В арках чернели птичьи гнезда; в окнах то тут, то там, словно воздушный тюль, трепетала на редкость толстая и плотная паутина. Из витража выпало одно стеклышко, и ангел, лишившийся глаза, теперь больше смахивал на пирата, чем на небесного воина.

Воодушевления от увиденного Саймон не испытывал.

Перед фасадом Академии, под пристальным взглядом ангела, он заметил еще нескольких человек: высокую женщину с пышной копной розовых волос и двух девушек, своих ровесниц, у нее за спиной – видимо, тоже учениц Академии, предположил Саймон.

Под кроссовкой хрустнула ветка, и все трое испуганно заозирались. В следующее мгновение розовая блондинка перешла в наступление: ринувшись прямо к новоприбывшим, она повисла на Катарине, словно та оказалась давно пропавшей и наконец-то найденной сестрой. Катарина, похоже, ничуть этому не обрадовалась.

– Мисс Лосс, слава Ангелу, вы здесь, – воскликнула розоволосая. – Все пропало, совсем пропало!

– Кажется, мы не имели удовольствия быть... знакомы, – помедлив, заметила Катарина.

Женщина взяла себя в руки и отступила от мага, кивая так усердно, что розовые волосы так и летали вокруг ее плеч.

– Я Вивиана Пенхоллоу. Ректор Академии. Счастлива с вами познакомиться.

Несмотря на ее официальный тон, Саймон никак не мог отделаться от мысли, что Вивиана Пенхоллоу слишком молода, чтобы возглавлять Академию, особенно сейчас, когда Суме-

речным охотникам так отчаянно нужны новые воины, а Академия десятилетиями стояла закрытая.

Вот что бывает, когда ты дальний родственник Консула, предположил Саймон. Правда, разобраться в хитросплетениях власти в Идрисе, как и в генеалогических древах нефилимов, ему так и не удалось. Похоже, у них все так или иначе родственники друг другу.

– И в чем проблема, ректор Пенхоллоу?

– Если начать с самого начала, то мне кажется, что нескольких недель, выделенных на ремонт Академии... иных слов, чтобы описать ситуацию, кроме «чудовищно недостаточно», я подобрать не могу, – выпалила Вивиана Пенхоллоу. – Многие преподаватели уехали, и я не думаю, что они намереваются вернуться. Строго говоря, они мне это заявили лично – и в выражениях не стеснялись. В помещениях холодно, а сами классы... вполне могут просто обрушиться. К тому же у нас проблема с едой.

Катарина подняла бровь цвета слоновой кости.

– Что за проблема?

– Еды просто нет.

– А-а. Да, это проблема.

Плечи ректора опустились, будто не в силах выдерживать свалившийся на них груз.

– Эти девушки – старшие ученицы Академии и представительницы славных фамилий Сумеречных охотников: Жюли Боваль и Беатрис Велес Мендоса. Они прибыли вчера и оказались просто неоценимыми помощницами. А это, должно быть, юный Саймон, – улыбнулась ему Вивиана.

Саймон испытал странное удивление – и никак не мог понять почему, пока не вспомнил, что лишь немногие взрослые нефилимы станут улыбаться затесавшемуся среди них вампиру. Однако никаких прямых причин возненавидеть его у ректора не было – по крайней мере, пока. Вдобавок она явно была очень рада видеть Катарину – видимо, надеялась, что та ей поможет.

– Верно, – ответила Катарина. – Нечего было и надеяться, что здание, простоявшее пустым столько десятилетий, можно будет полностью привести в порядок за несколько недель. Вы бы лучше показали мне самые опасные места. Вместе мы что-нибудь придумаем, чтобы потом не пришлось причитать над трупиком малолетнего Охотника, сломавшего себе шею.

Все уставились на нее.

– Я имею в виду, чтобы избежать подобной немыслимой трагедии, – поправилась Катарина и широко улыбнулась. – Может быть, кто-нибудь из девушек покажет Саймону его комнату?

Она явно старалась избавиться от Саймона. Все-таки он ей не нравится. Неужто он и магу чем-то успел насолить?

Ректор несколько секунд не сводила с Катарины взгляда, потом опомнилась.

– Ах да, конечно. Жюли, можно тебя попросить? Отведи его в башню.

Брови девушки взметнулись.

– Точно?

– Да, точно. Первая комната, как войдешь в восточное крыло, – напряженным голосом повторила ректор и снова повернулась к Катарине. – Мисс Лосс, я снова выражаю вам искреннюю благодарность за визит. Вы действительно можете помочь нам справиться с некоторыми проблемами?

– Есть такая поговорка: чтобы убрать бардак за нефилимом, нужен кто-нибудь из нежити, – заметила та.

– Ни... никогда не слышала, – смутилась Вивиана.

– Очень странно, – голос Катарины становился тише – она уже направилась к зданию Академии. – А в Нижнем мире ее часто повторяют. Очень часто.

Саймон, оставленный на попечение Жюли Боваль, внимательнее присмотрелся к своей спутнице. Вторая девушка ему понравилась больше. Нет, Жюли очень симпатичная, но лицо, нос и рот – странно узкие, словно ее голову однажды взяли и сильно сжали.

– Саймон, верно? – спросила она, и ее узенький ротик показался ему еще уже. – Пойдем.

Она развернулась – резко, как сержант-инструктор на строевой подготовке. Саймон следом за ней переступил порог Академии и оказался в огромном зале со сводчатыми потолками. Здесь вовсю гуляло эхо. Задрав голову, он попытался разглядеть, чем вызван зеленоватый отсвет на потолке: это лучи солнца, проходящие через витраж, или просто мох, выросший на балках?

– Не отставай, – голос Жюли донесся откуда-то со стороны темного дверного проема, прячущегося в нише каменной стены. Всего Саймон насчитал шесть таких дверей. Владелица голоса уже исчезла, и пришлось нырять в темноту на ощупь.

За дверью его ждала еле освещенная каменная лестница, ведущая в такой же темный коридор. Со светом тут явно были проблемы: его давали крошечные окошки, вырезанные в толще стен. Саймон вспомнил, что читал про такие окна-бойницы: в стрелка, прячущегося в ней, попасть снаружи практически невозможно, а сам он может спокойно стрелять по нападающим.

Жюли провела его по одному коридору, спустилась в другой по короткой лестнице, прошла по третьему и пересекла маленькую круглую комнату, за которой открылся очередной проход. Пялясь в темноту, чувствуя под пальцами гладкий камень, вдыхая странный запах, Саймон вышагивал по бесконечным коридорам и не мог отделаться от мысли, что попал не в нефилимскую Академию, а в какой-то некрополь.

– Значит, ты охотник на демонов, – перевесив сумку с одного плеча на другое, он догнал Жюли. – И на что это похоже – убивать всякую нечисть?

– Я – Сумеречный охотник. А ты здесь как раз для того, чтобы найти ответ на свой вопрос, – ответила девушка, остановившись перед одной из множества одинаковых дверей – из потемневшего от времени дуба, с чугунными петлями и ручкой в форме ангельского крыла. Столетиями к ней прикасались сотни рук, и теперь металл матово блестел, а некогда тщательно вырезанные перья стерлись почти до гладкости. Жюли открыла дверь.

За порогом оказалась маленькая комната с каменными, конечно же, стенами. Напротив двери – окно; сквозь запыленное стекло едва пробивается свет. Из мебели тут имелись только две узкие кровати с резными деревянными колоннами и огромный гардероб, кренящийся набок, словно ему отпилили одну из ножек. На кровати Саймон заметил раскрытый чемодан.

Что ж, похоже, скучать в одиночестве ему тут не придется: на табурете спиной к ним стоял незнакомец. Он медленно повернулся к вошедшим и теперь взирал на них сверху вниз, словно статуя на постаменте.

Да, именно на статую парень и походил больше всего – если только одеть ее в джинсы и красно-желтую рубашку-поло. Черты лица – ровные, чистые, словно совсем недавно вышедшие из-под резца скульптора. Золотой летний загар, темно-карие глаза, выющиеся русые волосы, свисающие до бровей. Широкие плечи, спортивный вид – точно так выглядели практически все Сумеречные охотники. Саймон уже начинал подозревать, что Ангел просто не выбрал бы себе в помощники астматика или человека, хоть раз в жизни получившего в лицо волейбольным мячом.

Парень улыбнулся, и на щеке появилась ямочка.

Саймон не считал себя знатоком мужской красоты. Но, услышав позади еле слышный звук, обернулся через плечо.

Жюли резко выдохнула и чуть подалась вперед, кажется, сама того не сознавая, – он ясно это видел.

Саймон закатил глаза. Похоже, нефилимы через одного – несостоявшиеся (а может, и состоявшиеся, кто их знает?) модели нижнего белья, включая его нового соседа. В таком случае над ним, Саймоном, жизнь определенно подшутила.

Жюли, видимо, интересовал исключительно чувак на табуретке. У Саймона на языке вертелась куча вопросов, от «кто это?» до «почему он на табуретке?», но вмешиваться в происходящее он точно не хотел.

– Спасибо, что заглянули, ребята. Только... без паники, – прошептал незнакомец.

Жюли попятилась.

– Что тут происходит? – спросил Саймон. – Когда мне говорят «только без паники», это, знаешь ли, как-то не располагает к спокойствию. Давай конкретнее.

– Окей. Сейчас сами поймете, – у нового соседа слышался легкий акцент – он слишком четко выговаривал отдельные звуки. Саймон был практически уверен, что тот родом из Шотландии. – В общем, я думаю, что в гардеробе сидит демон-опоссум.

– Ради Ангела! – скривилась Жюли.

– Смешно, – заметил Саймон.

Из гардероба действительно доносились странные звуки: кто-то скребся, хрюкал и так жутко шипел, что волосы на затылке вставали дыбом.

Молнией метнувшись к свободной кровати, Жюли с изяществом Сумеречного охотника нырнула под одеяло. Саймон предположил, что кровать эта – его. Ну надо же, он тут всего пару минут, а девушки уже сами к нему в постель прыгают. Какой волнующий факт для будущей автобиографии.

Если забыть о том, что девушки просто спасаются от демонических грызунов.

– Саймон, сделай что-нибудь!

– Да, Саймон... Значит, ты – Саймон? Привет, Саймон. Да, так вот, сделай, пожалуйста, что-нибудь с демоном-опоссумом, – поддержал беседу парень на табуретке.

– Никакой это не демон.

Впрочем, до конца Саймон в этом уверен не был. Звуки из гардероба доносились действительно не совсем обычные, словно там ворочался кто-то огромный и опасный.

– Я родилась в Городе Стекла, – заявила Жюли. – Я Сумеречный охотник и могу справиться почти с любым демоном. Но я росла в приличном доме, где не водилось никакой дикой фауны!

– Ну а я из Бруклина, – отозвался Саймон. – И можно сколько угодно поливать мой город грязью и называть его вонючей кучей мусора с хорошей музыкой или чем хотите, но в чем, а в грызунах я разбираюсь. Кроме того, кажется, я и сам успел побыть грызуном, но это было давно и неправда, я об этом не помню и обсуждать не хочу. Так что, думаю, с опоссумом я как-нибудь справлюсь... если он не демон, конечно.

– Я его видел, а ты – нет! – сказал парень с табуретки. – Говорю тебе, он как-то подозрительно огромный. *Дьявольски* огромный.

Из гардероба снова донеслись шелест и угрожающее сопение. Саймон принялся изучать чемодан, валяющийся на кровати. Куча рубашек-поло, а сверху...

– Это оружие? – спросила Жюли.

– Увы, – отозвался Саймон. – Это теннисная ракетка.

Да уж, у нефилимов просто куча времени остается, чтобы заниматься внеклассной работой.

Ракетка – это, конечно, не пистолет и не кинжал, но лучше так, чем с голыми руками. Вернувшись к гардеробу, Саймон распахнул дверцу.

В темной глубине, среди изгрызенных щепок притаился опоссум. Красные глазки зверька сияли яростью, пасть открылась, издав жуткое шипение.

– Какая гадость, – пробормотала Жюли. – Убей его, Саймон.

А парень с табуретки заявил на полном серьезе:

– Саймон, ты наша единственная надежда!

Опоссум дернулся вперед, как будто собираясь напасть. Ракетка хлопнула по тому месту, где зверек был мгновение назад. Зашипев, опоссум кинулся в другую сторону. Саймону в голову пришла дикая идея – что хитрый грызун его обманывает, заставляя впустую хлопать ракеткой.

В следующую секунду опоссум вырвался из гардероба, пробежав между ног своего потенциального убийцы.

С боевым кличем, больше смахивающим на банальный визг, Саймон отпрыгнул назад, едва не споткнувшись, и принялся беспорядочно молотить ракеткой по каменным плитам пола, целясь в опоссума, но неизменно промахиваясь. К визгу зверька присоединился визг Жюли. Саймон крутился, пытаясь понять, куда забился грызун. Краем глаза уловив промельк чего-то пушистого, он повернулся в ту сторону.

Парень с табуретки – то ли от страха, то ли действительно стараясь помочь – вцепился Саймону в плечи и попытался развернуть в нужную сторону.

– Там! – крикнул парень ему прямо в ухо.

От неожиданности Саймон потерял равновесие и шагнул назад.

Под коленку уперся угол табуретки. Неустойчивая конструкция наклонилась, и новый сосед, пытаясь не свалиться, опять вцепился в плечи Саймона. У того уже кружилась голова, его шатало, и поэтому, увидев опоссума на собственной кроссовке, он сделал роковую ошибку.

Он врезал ракеткой себе самому по ноге.

Очень сильно.

Саймон, табуретка, парень с табуретки, ракетка – все рухнули на каменный пол. Опоссум выскочил в открытую дверь. Саймону даже почудилось, что напоследок зверек победно сверкнул красными глазками.

Разумеется, о погоне сейчас не могло быть и речи. Сперва предстояло разобраться в мешанине ног – человеческих и табуреточных – и понять, насколько сильно он приложился головой о деревянный столбик кровати.

Он попробовал сесть. Потер лоб. Голова закружилась, когда Жюли спрыгнула с кровати – столбик зашатался от ее движения и снова задел уже ушибленное место.

– Так, парни, пойду-ка я отсюда, пока эта зверюга не вернулась в гнездо, – возвестила девушка. – То есть, я хотела сказать, я вас тут пока оставляю... ненадолго. – Она остановилась в дверях, высматривая, не поджидает ли опоссум снаружи, прошептала «Пока-пока!» и унеслась прочь.

– Оу, – Саймон отказался от попыток сесть прямо и уронил голову на руки. Скривился. – И еще раз оу. Это... Это было...

Он обвел рукой табуретку, открытую дверь, раскуроченный гардероб и остановился на себе самом, лежащем поперек комнаты.

– Это было... – Саймон понял, что трясет головой и смеется, не в силах удержаться. – В общем, впечатляющая демонстрация возможностей трех великих недоохотников на демонов.

Парень, уже не на табуретке, удивленно глянул на него – без сомнения, он решил, что Саймон немного не в себе. А Саймон все никак не мог остановиться.

Любой из нью-йоркских нефилимов расправился бы с опоссумом, не моргнув глазом. Изабель просто оторвала бы зверьку голову своим хлыстом. А они тут верещат, разводят панику, прыгают по табуреткам, молотят ракетками по чему попало и не могут справиться с одним-единственным грызуном. И Саймон вместе со всеми.

Они просто нормальные, обычные дети.

От этой мысли он почувствовал такое облегчение, что голова сразу же закружилась снова. Или это потому, что ей просто очень сильно досталось?

Саймон все еще смеялся, когда повернул голову и перехватил взгляд нового соседа.

– Как жалко, что наши преподаватели не видели этого захватывающего представления, – серьезно заметил тот. А в следующее мгновение тоже рассмеялся – звонко, заливисто, прикрывая рот рукой. От глаз его разбегались тонкие лучики морщинок. – Юные борцы с демонами вышли на охоту за опоссумом.

Кое-как пережив новый взрыв хохота, они наконец поднялись и познакомились по-человечески.

– Прости за это все. Не очень-то я умею с мелочью справляться. Демоны обычно ростом повыше, чем этот красноглазый гаденыш. Кстати, я – Джордж Лавлейс, – парень опустился на кровать рядом с раскрытым чемоданом.

Саймон уставился на собственный рюкзак, забитый прикольными футболками. Подозрительно покосился на гардероб, не зная, стоит ли доверять ему такое сокровище в свете последних событий.

– Значит, ты – Сумеречный охотник?

Он уже худо-бедно разбирался в типичных для нефилимов именах и с первого взгляда заподозрил, что его новый знакомец – один из них. Только раньше он по крайней мере надеялся, что Джордж – обычный, просто очень клевый парень. Сейчас же его надежды разбились в пух и прах – Саймон прекрасно знал, как нефилимы относятся к простецам.

А как было бы хорошо учиться в Академии вместе с кем-то, кто вообще не в теме. Но, видимо, не судьба. Как было бы хорошо снова делить комнату с крутым соседом – типа Джордана, с которым он познакомился, когда стал вампиром. Правда, Саймон толком его не помнил, но хотя бы имя всплыло в памяти – уже хорошо.

– Ну да, я же Лавлейс, – ответил Джордж. – Мои предки были слишком ленивыми и в восемнадцатом веке бросили это дело, уехали из Глазго. Занялись кражами овец. Слава гремела на всю страну. А другая ветвь Лавлейсов порвала с Сумеречными охотниками в девятнадцатом веке. Кажется, одна из дочерей тогда все-таки вернулась, но вскоре погибла, и семья окончательно отказалась от Конклава. Время от времени нефилимы еще стучались к нам в двери, а мои храбрые предки только и знай твердили: «Нет уж, мы как-нибудь и с овцами проживем», – пока в конце концов Конклав не забил на Лавлейсов, потому что устал от их непроходимой лени. Так что сам видишь, мой род – это род лодырей и бездельников.

Джордж пожал плечами и махнул ракеткой, словно говоря: «Ну а я что тут могу поделать?» Струны на ракетке лопнули. Но она по-прежнему оставалась единственным их оружием на случай, если вредный грызун решит вернуться.

Саймон проверил телефон и даже не удивился. Ну естественно, какая тут может быть связь? Они же в Идрисе. Он запихнул телефон обратно между футболками.

– Оставлю на память.

– Представляешь, я несколько недель назад вообще понятия обо всем этом не имел. Нефилимы снова нас нашли: пришли и заявили, что им нужны новые... э-э... охотники на демонов, чтобы бороться со злом, потому что очень многие пали на войне. Ну что я могу сказать? Эти ваши Сумеречные охотники действительно знают, как расположить к себе и добиться того, что им нужно.

– Им стоит напечатать побольше флаеров, – предложил Саймон, и Джордж усмехнулся, оценив шутку. – Они ведь вечно смотрятся так круто и носят исключительно черное. А на флаере пусть будет написано: «Готов стать круче всех?» Эх, надо мне связаться с их отделом маркетинга, я бы накидал им идей по вербовке новобранцев.

– Боюсь, это не поможет. Ты вообще знаешь, как нефилимы обращаются со всякой техникой типа ксерокса? Ответ: никак. К тому же, как оказалось, родители все время были в курсе,

просто мне не сообщали. Ну действительно, зачем мне о такой мелочи говорить-то? Вешали лапшу на уши, что бабушка просто была не в себе, когда рассказывала о танцах с фейри. В общем, я, оказывается, столько всего не знал! В конце концов отец сказал, что бабушка и правда танцевала с фейри. А это как минимум значит, что фейри существуют. Правда, не знаю, как насчет бабушкиного любимого – десяти сантиметров росту по имени Колокольчик.

– Что-то сомнительно, – хмыкнул Саймон, перебирая в памяти все, что смог вспомнить о фейри. – Но я не так много всего знаю, чтобы сказать наверняка.

– Так, стало быть, ты из Нью-Йорка? – спросил Джордж. – Круто.

Саймон пожал плечами. Что тут скажешь? За всю свою жизнь он так свyksя с Нью-Йорком, а теперь, получается, родной город его предал – как и его собственная душа.

Еще и поэтому он так мучительно стремился оттуда смыться.

– А ты как обо всем узнал? У тебя открылось Зрение?

– Нет, – медленно ответил Саймон. – Нет, я самый обычный человек. Просто однажды моя лучшая подруга узнала, что она нефилим, а заодно и дочь самого главного здешнего злодея. И сестра другого главного здешнего злодея. В общем, с родственниками ей не повезло. Я, честно говоря, сам в этом запутался – просто всего не помню, потому что...

Он замолчал, пытаясь подобрать слова, чтобы объяснить причины своей амнезии. А то Джордж еще подумает, что у соседа те же проблемы, что и у его бабушки.

Лавлейс смотрел на него расширенными от удивления глазами.

– И тебя зовут Саймон, – выдохнул он. – Саймон *Льюис*.

– Точно, – подтвердил Саймон. – Эй, подожди. У меня что, на двери написано, кто здесь живет? Или я уже успел тут где-то засветиться?

– Вампир, – продолжал Джордж. – Лучший друг Мэри Моргенштерн!

– Вообще-то она Клэри, – поправил Саймон. – Ну... да. Хотя я предпочитаю считать себя бывшим вампиром.

Джордж не сводил с него взгляда, в котором скорее читалось восхищение, чем разочарование. Саймон чуть смутился. Никто еще не смотрел на него вот так – ни в старой жизни, ни в новой. Что ж, следует признать, это приятно.

– Ты не понимаешь. Я приперся в эту богом забытую замороженную дыру, заросшую мхом и кишашую наглыми грызунами, а вся Академия только что на ушах не стоит, обсуждая великих героев, которые не старше меня, но уже сражались в адских мирах. Кстати, тут, в этой вашей Академии, даже туалеты не работают.

– Туалеты не работают? Но... как же... Как же тогда...

Джордж хмыкнул.

– Воссоединяемся с природой, если ты понимаешь, о чем я.

Они глянули в окно.

Внизу темнел лес. За зелеными ромбовидными стеклами мягко колыхалась листва, колеблемая еле заметным ветром.

Саймон с Джорджем мрачно и печально переглянулись.

– Серьезно, о вас тут каждая собака на углях тявкает, – Лавлейс вернулся к более веселому предмету разговора. – Окей, о вас и о голубях, свивших гнезда в каминах. Вы же спасли мир. Или я ошибаюсь? А, ты же не помнишь ничего. Как-то это странно.

– То, что я ничего не помню? Конечно, странно, кто бы спорил. Спасибо, кстати, что напомнил.

Джордж рассмеялся и швырнул ракетку на пол. Он не сводил с Саймона глаз, словно смотрел на что-то невиданное.

– Офигеть. Саймон Льюис. Нет, сюда точно стоило приехать – хотя бы для того, чтобы заиметь такого классного соседа.

Джордж отвел Саймона на обед, за что тот был очень ему благодарен.

Столовая практически ничем не отличалась от остальных помещений Академии – такая же квадратная комната с каменными стенами и полом, правда, малость побольше. И на одной из ее стен, над камином, висела огромная – тоже каменная – доска с изображением скрещенных мечей и девизом, настолько стершимся, что прочитать его было невозможно.

Посреди зала стояло несколько круглых столов. Рядом – куча разномастных деревянных стульев. Да тут не отыщется и двух одинаковых предметов мебели! Саймон сразу же заподозрил, что для Академии нефилимы закупаются на какой-нибудь гаражной распродаже.

За столами сидели ученики. Большинство – года на два младше его самого; попадались и совсем дети. Саймон занервничал: выходило, он тут один из старших. Но потом он разглядел в толпе знакомые лица и перевел дух.

Беатрис, еще один незнакомый парень и узкилица Жюли призывно махали им с Джорджем. Саймон до последнего надеялся, что энтузиазм девушек связан не с ним, а с красавчиком Лавлейсом, но надежды эти развеялись в пух и прах, стоило только сесть за стол.

Жюли сразу же наклонилась к нему.

– Не могу поверить: ты не сказал, что ты Саймон *Льюис*! – во всеуслышание заявила она. – Я думала, ты обычный простец.

Саймон немного отодвинулся.

– Я обычный простец.

Девушка рассмеялась.

– Ты знаешь, о чем я.

– Она о том, что мы все перед тобой в долгу, Саймон, – улыбнулась ему Беатрис Мендоса. Улыбка у нее была просто шикарная. – Мы об этом не забываем, поверь. Очень рада познакомиться. И рада, что ты здесь, с нами. Не будь здесь Джона, могли бы многое обсудить.

Парень, которого она назвала Джоном, с бицепсами величиной с голову Саймона, протянул руку. Выглядела она, конечно, устрашающе, но Саймон все-таки рискнул ее пожать.

– Джонатан Картрайт. Взаимно.

– Джонатан, – задумчиво повторил Саймон.

– Очень распространенное имя среди нефилимов, – заметил Джон. – После Джонатана Сумеречного...

– Да-да, я знаю, – перебил Саймон. – «Кодекс» у меня есть.

Клэри одолжила ему свою книгу, и в свободное время он развлекался тем, что читал пометки, оставленные в ней почти всеми обитателями Института. Так можно было кое-что узнать о каждом из них, не опасаясь, что ему укажут на очередные провалы в памяти.

– Просто... Я знаю несколько Джонатанов. Правда, не всех из них зовут так по-настоящему... то есть звали.

Да, не так уж много он помнит о брате Клэри. Но, по крайней мере, имя знает – а это уже кое-что. А все остальное даже вспоминать не хочется.

– А, да, Джонатан Эрондейл, – прогудел Джон. – Конечно, ты его знаешь. Мы с ним, типа, хорошие друзья. Научил его в свое время парочке трюков. Наверняка он с их помощью не одного демона завалил, да?

– Это ты про Джейса? – неуверенно уточнил Саймон.

– Ну естественно, – ответил здоровяк. – Он наверняка обо мне говорил.

– Что-то не припоминаю... Но у меня демоническая амнезия. Так что все может быть.

Джон кивнул, пожал плечами.

– Ну, он не мог не рассказывать, точно тебе говорю. Просто ты забыл из-за этой своей амнезии. Не хочу хвастать, но мы с Джейсом были довольно близки, да.

– Как бы я хотела быть поближе к Джейсу Эрондейлу, – вздохнула Жюли. – Он просто ослепителен.

– Как солнце, что внезапно вышло из-за туч, когда на улице льет дождь, – мечтательно согласилась с ней Беатрис.

– А это еще кто? – Джон покосился на Джорджа, вольготно развалившегося в кресле и озирающего всю компанию с легким удивлением во взгляде.

– Ты про того, кого наши девочки сравнивают с солнцем? Или про меня? Если про меня, то я – Джордж Лавлейс, – отозвался он. – И я произношу свою фамилию, ничуть того не стыдясь, так как намерен защищать честь семьи до конца.

– Лавлейс? – переспросил Джон, хмуря брови. – Да, ты можешь сидеть с нами.

– Должен сказать, что до сих пор моей семье не очень-то удавалось завоевать себе славу, – заметил Джордж. – Сам не знаю почему. Нефилимы – они такие, поди их пойми.

– Кстати, о нефилимах, – встряла Жюли. – Ты ведь можешь тусоваться... то есть учиться вместе с обычными людьми.

– Чего-чего? – переспросил Саймон.

– В Академии есть два потока, – объяснила Беатрис. – Поток для простецов, где ученикам рассказывают все о нашем мире и дают минимально необходимую подготовку. И поток для детей Сумеречных охотников, где нас натаскивают по более серьезной программе.

Жюли скривила губки.

– Короче, Беатрис хотела сказать, что у нас тут, как и везде, есть своя элита и есть отстой. Саймон уставился на остальных нефилимов.

– Значит... Значит, я буду учиться на отстойном потоке?

– Нет! – рявкнул Джон, совершенно ошарашенный. – Об этом не может быть и речи.

– Но я простец, – повторил он.

– Ты не обычный простец, – вмешалась Жюли. – Ты исключительный. А значит, для тебя сделают исключение.

– Если кто попытается запихнуть тебя к простецам, будет иметь дело со мной, – высокомерно заявил Джон. – Ежу понятно, что друзья Джейса Эрондейла – мои друзья.

Жюли погладила Саймона по руке, и ему на мгновение показалось, что рука ему больше не принадлежит, что она чужая. Нет, учиться вместе с лузерами – это не клево, но и терпеть надутых выскочек – тоже удовольствия мало.

Он вспомнил – или показалось, что вспомнил, – обрывки разговоров, которые Изабель, Джейс и Алек вели о простечах. А ведь они далеко не такие снобы. Просто их так воспитали: на самом деле это была дурная привычка, не более того. Саймон в этом почти не сомневался.

Беатрис – девушка, которая сразу ему понравилась, – наклонилась и сказала:

– Поверь, ты более чем заслужил это место.

И застенчиво улыбнулась – так что Саймон просто не смог не улыбнуться в ответ.

– Стало быть... Я буду учиться на направлении для простецов? – медленно проговорил Джордж. – Я же ничего не знаю ни о Сумеречных охотниках, ни о Нижнем мире, ни о демонах...

– Только не это, – возразил Джон. – Ты Лавлейс. Мигом со всем разберешься. Тебе даже учить ничего не надо – у тебя все в крови.

Джордж закусил губу.

– Ну, если ты так в этом уверен...

– Большинство студентов Академии – такие же, как ты, Джордж, – поспешила пояснить Беатрис. – Совсем новички. Сумеречные охотники рыщут по всему миру в поисках людей с кровью нефилимов.

– И эта самая кровь автоматически причисляет их к элите, – подытожил Лавлейс. – Кровь, а не знания.

– И совершенно справедливо, между прочим, – вмешалась Жюли. – Погляди на Саймона. Конечно, он должен учиться вместе с нефилимами. Он ведь доказал, что достоин этого.

– Ага. То есть, чтобы попасть в элиту, Саймону пришлось спасать мир, а нам, остальным, довольно и того, что у нас правильные фамилии? – как бы вскользь поинтересовался Джордж и подмигнул Саймону. – Да ты просто везунчик, дружище.

Над столом повисла напряженная тишина. Саймон готов был побиться об заклад: кому здесь хуже всего, так это ему, Саймону.

– Если кто-нибудь из нефилимов по крови себя опозорит, его отправляют в отстойный поток, – нарушила молчание Жюли. – Но... да, это направление – для простецов. Нефилимам там не место. Академия всегда так работала. Так же она будет работать и сейчас. Мы отбираем простецов – со Зрением или просто с хорошими физическими данными – и отправляем учиться в Академию. Для них это отличная возможность, шанс добиться гораздо большего, такого, о чем они и мечтать не могли. Но им не по плечу тягаться с настоящими Сумеречными охотниками. Да и несправедливо было бы ставить всех на одну доску. Не каждому суждено стать Саймоном.

– Некоторым не хватит способностей, – надменно заметил Джон. – Некоторые просто не переживут Восхождение.

Саймон открыл рот, но задать вопрос так и не успел. В столовой раздались одинокие аплодисменты.

– Мои дорогие ученики. Мои настоящие и будущие Сумеречные охотники, – ректор Пенхоллоу поднялась из своего кресла. – Добро пожаловать! Добро пожаловать в Академию Сумеречных охотников. Это огромная радость – видеть вас всех здесь, на официальном открытии нашей Академии, в которой вы, наше новое поколение, отныне будете учиться соблюдать закон, данный нам ангелом Разиэлем. Это большая честь для вас – быть избранным и переступить порог этого здания. Мы счастливы, что вы с нами.

Саймон огляделся. В столовой собралось человек двести, и все кучками сгрудились вокруг столов. Он вновь отметил, что некоторые ученики – совсем юные, кое-кто даже не успел умыться и сверкал теперь чумазой физиономией. Глядя на них, Саймон снова задался вопросом, что же все-таки здесь за проблемы с водопроводом.

Особого благоговения на лицах тоже не заметно. Интересно, как нефилимы вербуют себе сторонников? Жюли только что разглагольствовала о благородстве Сумеречных охотников, которые предлагают простецам потрясающие возможности... но некоторым детям тут и двенадцати, кажется, нет! На что же должна быть похожа твоя жизнь, чтобы ты в двенадцать лет все бросил и пошел сражаться с демонами неизвестно ради чего?

– К сожалению, мы понесли невосполнимые потери среди наших преподавателей. Но я уверена, что мы справимся – ведь вас будут учить блестящие мастера своего дела, – продолжала Вивиана Пенхоллоу. – Позвольте представить вам Делани Скарсбери, инструктора по боевой подготовке.

Из кресла рядом с ней поднялся высокий мужчина. Бицепсы его были раза в два больше, чем у Джона Картрайта, а глаз закрывала черная повязка, живо напомнившая Саймону об одноглазом ангеле на витраже.

Саймон медленно повернулся к Джорджу, надеясь, что тот поймет, и одними губами произнес: «Не может быть».

Лавлейс, очевидно, испытывал те же чувства, потому что кивнул и точно так же ответил: «Сумеречный пират!»

– С нетерпением жду, когда же разотру вас в порошок, а потом слеплю из этого что-то похожее на настоящих свирепых вояк, – громогласно объявил Скарсбери.

Джордж с Саймоном снова переглянулись.

Раздались рыдания. Девчонка, сидевшая за столом позади Саймона, никак не могла сдерживать слез. Сколько ей, тринадцать?

– И Катарину Лосс, почтенного мага, которая будет преподавать вам всю богатую событиями историю славных Сумеречных охотников!

– Ура, – Катарина, сидевшая с другой стороны от ректора, едва пошевелила синими пальцами в знак приветствия.

Ректор невозмутимо продолжала:

– В прошлые годы, когда в Академии, как и сейчас, учились Сумеречные охотники из всех уголков планеты, каждый день на стол подавали какое-нибудь особенное, восхитительное национальное блюдо. И мы обязательно продолжим эту славную традицию! Но, к сожалению, кухня еще требует некоторого ремонта, поэтому сегодня на обед...

– Суп, – скучным голосом объявила Катарина. – Целые чаны густого коричневого супа. Приятного аппетита, дети.

Ректор захлопала в ладоши, но ее, как и в первый раз, никто не поддержал.

– Да, именно так. Приятного аппетита! И еще раз: добро пожаловать!

Действительно, на обед их не ждало ничего, кроме огромных кастрюль, полных весьма сомнительного варева. Встав в очередь, Саймон с подозрением поглядел на маслянистую темную жидкость.

– А крокодилов там случайно не водится?

– Ничего не буду тебе обещать, – отозвалась Катарина, изучая собственную тарелку.

Той ночью, заползая в постель, Саймон чувствовал себя совершенно измотанным – и по-прежнему голодным. Чтобы отвлечься, он попытался вспомнить, когда же в последний раз, не считая сегодняшнего, в его кровати была девушка. Память поддавалась медленно и не до конца, словно полупрозрачное облако, которое вроде и не закрывает луну, но все равно не дает ничего разглядеть толком.

Саймон вспомнил, как они с Клэри дрыхли в одной кровати – совсем маленькими; он тогда надевал на ночь пижаму с грузовиками, она – с пони. Вспомнил, как поцеловал ее: на вкус Клэри – как свежий лимонад.

А потом пришло другое воспоминание. Изабель. Темные волосы разметались по подушке, горло доверчиво обнажено, ногти на пальцах ног царапают ему кожу – точь-в-точь любовная сцена из какого-нибудь вампирского фильма. Тот, другой Саймон был не только героем, но и сердцеедом. Ну, по крайней мере, куда в большей степени, чем сейчас.

Изабель. Губы сами собой сложились как нужно, произнесли имя – но услышала его только подушка. Саймон в очередной раз напомнил себе, что не собирался думать о девушке, когда окажется в Академии, – по крайней мере, пока не сможет стать лучше. Стать таким, каким она хочет его видеть.

Повернувшись на спину, он уставился на каменные плиты потолка.

– Не спится? – прошептал Джордж. – Мне тоже. Боюсь, вдруг опоссум вернется. Откуда он вообще тут взялся, Саймон? И куда убежал?

Ответ на вопрос о том, каким образом из них собираются делать Сумеречных охотников, Саймон получил уже наутро.

Первым делом Скарсбери обмерил их всех, чтобы подобрать подходящую форму. Попутно он отпускал неделикатные комментарии о телосложении своих учеников.

– У тебя такие узкие плечи, – глубокомысленно заметил он. – Как у девчонки.

– Я просто стройный и гибкий, – с достоинством парировал Саймон.

Джордж маялся от безделья, сидя на скамейке и выжидая, пока закончат измерять его соседа. Экипировка ему досталась без рукавов, и Жюли уже не преминула похлопать его по руке и похвалить форму – типа, сидит классно.

– Знаете что, – задумался Скарсбери. – У меня тут есть кое-что подходящее, но это женская фо...

– Отлично, – прошипел Саймон. – То есть это ужасно, конечно, но пойдет! Давайте уже ее сюда.

Скарсбери сунул в руки Саймону черный сверток.

– Думаю, будет как раз. Это для высокой девушки, – утешающе пробормотал он. То есть это он думал, что пробормотал; на самом деле его слова слышали все, кто был в зале.

Ученики заозирались, кое-кто уже откровенно на них пялился. Саймон с трудом подавил желание раскланяться – в шутку, конечно, – и потопал в раздевалку, чтобы переодеться.

Облачившись в форму Сумеречных охотников, студенты получили приказ вооружаться. Им, как и простецам, которые не могли наносить руны и пользоваться стилем – и кучей других побрякушек из арсенала охотников на демонов, – раздали человеческое оружие. Мимоходом объяснили, что нефилимам это нужно исключительно для расширения познаний. Саймон хмыкнул: вряд ли его собственные познания были толще палочки спагетти.

Ректор Пенхоллоу притащила огромные коробки, полные ножей всевозможных форм и размеров – что как-то слабо вязалось с ее ученым видом, – и попросила каждого выбрать себе кинжал по вкусу.

Саймон вытащил свой практически не глядя и сразу же вернулся за парту.

Джон кивнул.

– Неплохо.

– Ага, – отозвался Саймон, вертя кинжал в руках. – Именно так я и думал. Неплохо. Очень острый.

Он воткнул кинжал в стол, и лезвие застряло в дереве. Пришлось повозиться, чтобы вытащить его из толстой дубовой доски.

Саймон думал, что тренировки – это не так страшно, как подготовка к ним.

Оказалось, он сильно ошибался.

Половину каждого учебного дня в Академии отдавали физической подготовке. Половину дня ученики проводили в спортзале. А точнее, в фехтовальной комнате.

Преподав основы боя на мече, их разбили на пары. Саймона поставили с девушкой, которую он когда-то уже заметил в столовой. Это была та самая девчонка, которая разрыдалась от слов Скарсбери.

– Она с отстойного потока, но я так понимаю, ты не особо искусен в фехтовании, – заявил инструктор. – Если будет слишком легко – скажи.

Саймон уставился на Скарсбери. Он не мог поверить, что взрослый Сумеречный охотник назвал кого-то отстоем вот так вот запросто, практически в лицо.

Потом перевел взгляд на девушку. Темная головка наклонена, меч вспыхивает на свету в дрожащих руках.

– Привет. Я Саймон.

– Я знаю, кто ты, – пробормотала она.

Ого. Похоже, он, сам того не заметив, стал местной знаменитостью. Но, может, это нормально? Может, так всегда и было, просто Саймон об этом не помнит? Если бы вернулась память, можно было бы по крайней мере знать, что он это заслужил, а не терзаться угрызениями совести, что на самом деле он этого недостоин.

– Как тебя зовут? – спросил Саймон.

– Марисоль, – неохотно ответила она. Руки девочки больше не тряслись – видимо, потому, что Скарсбери убрался подальше.

– Да не дрожи ты так, – ободряюще заметил он. – Я для тебя легкая добыча.

Она хмыкнула, сузила глаза. Похоже, плакать девчонка больше не собиралась.

Саймон не мог похвастаться большим опытом общения с людьми намного младше себя. Но они оба простецы, и он искренне сочувствовал этой девочке.

– Хорошо устроилась? Скучаешь по родителям?

– У меня нет родителей, – еле слышно, но твердо ответила она.

Саймон замер, как громом пораженный. Какой он идиот. А он еще гадал, с чего вдруг дети простецов могли согласиться сюда приехать – бросить семьи, родителей, наплевать на всю свою предыдущую жизнь.

А если бросать некого? Если нет ни семьи, ни родителей? Ведь приходила ему уже эта мысль в голову, а он, тупица, так заиклился на себе самом и на собственных воспоминаниях, что совершенно об этом забыл. У него, по крайней мере, есть куда возвращаться, пусть даже это место сложно назвать идеальным. У него есть выбор. А у нее?

– Слушай, а что тебе сказали нефилимы, когда приглашали в Академию?

Марисоль уставилась на него – холодными и ясными глазами.

– Сказали, что я буду сражаться.

Сколько себя помнила, она занималась фехтованием, так что все было предопределено заранее. Девчонка налетела на него, словно крошечный сияющий вихрь сразу из нескольких мечей – хотя в руках у нее был только один. Ловко подбив Саймона лезвием под колени, она свалила его на пол и оставила там глотать пыль. Вдобавок он, падая, саданул себя по ноге собственным мечом – но из-за этого даже расстраиваться не стоило.

– Хорош с легкотней маяться, – Джон, проходя мимо, помог Саймону встать. – Отстой не учится, если только его не учат, ты же знаешь.

Голос Картрайта звучал мягко, но взгляд, который он бросил на Марисоль, ничего хорошего девочке не сулил.

– Оставь ее в покое, – пробормотал Саймон. Но сказать, что Марисоль побила его совершенно справедливо, он уже не смог – духу не хватило. Все ведь думают, что он герой.

Джон ухмыльнулся и отошел.

Девочка уставилась на свои ботинки.

Саймон разглядывал ноющую рану на ноге.

Нет, далеко не все так уж ужасно. Многие из того, чем они занимались каждый день, не требовало каких-то особых навыков. Например, бег. Но поскольку соревноваться ему приходилось с людьми, гораздо лучше физически подготовленными, чем он сам, в голове все время всплывали воспоминания о тех временах, когда легкие не разрывались от недостатка воздуха, а сердце не колотилось как сумасшедшее от любого перенапряжения. Тогда он порвал бы тут любого одним пальцем. Тогда он был быстрым – быстрее любого из учеников Академии, – холодным, сильным хищником.

И мертвым, напомнил Саймон сам себе, в очередной раз плетясь позади всех. Нет, мертвым ему быть точно не хотелось.

Бегать лучше, чем ездить верхом. Он понял это в пятницу, когда всех отправили на верховую прогулку. Причем поначалу Саймон искренне считал, что это должно быть здорово.

Во всяком случае, остальные определенно получали удовольствие. Верховой ездой занимались только на элитном потоке, и в перерыве, поглощая все тот же ужасный суп, они всю подшучивали над отстоем. Казалось, это даже примирило Жюли и Джона с недостатком разнообразия на столе.

С трудом удерживаясь на спине огромного животного, которое косило глаза и то и дело пыталось изобразить ногами чечетку, Саймон все больше убеждался, что езда верхом – это удовольствие на любителя. Простецы между тем изучали историю Сумеречных охотников, и Джон заверил Саймона, что урок этот – скучнее не придумаешь. Но сейчас Саймон охотно согласился бы немного поскучать.

– Сай, – позвал Джордж. – Маленькая подсказка. Если не хочешь врезаться в дерево, лучше держать глаза открытыми.

– Мой последний урок верховой езды проходил на карусели в Центральном парке, – выдохнул Саймон.

Сам-то Джордж прекрасно держался в седле, что уже успели заметить девчонки. Казалось, конь и всадник движутся как единое целое. Животное легко и изящно отвечало на малейшее движение Лавлейса, и солнечный свет играл в гриве одного и в непокорных вихрах другого. Джордж словно сошел с экрана какого-нибудь фильма о средневековых рыцарях.

Саймон еще помнил книги о волшебных лошадях, которые читают все мысли своих всадников, – о конях, рожденных Северным ветром. Если ты волшебный воин, тебе просто необходим благородный скакун. Так вот у Джорджа с этим явно нет никаких проблем.

А Саймону, похоже, достался конь-садив. Иначе, если он читает все мысли всадника, зачем поперся куда-то в самую чащу, не обращая внимания на мольбы, угрозы и уговоры? Руки бы оторвать тому, кто решил, что он справится с этой зверюгой.

Только когда под вечер стало холодать, конь решил, что пора ему возвращаться в теплую конюшню. На подходе к Академии Саймон скатился с лошади и побрел в вестибюль, не чувствуя от холода ни ног, ни рук.

– Ага, вернулся все-таки, – прогудел Скарсбери. – А то Лавлейс уже хотел собрать для тебя поисковую группу.

– Ага, – криво ухмыльнулся Саймон. – Но тут кто-то сказал, типа: «Да не, оставим его там одного, пускай характер закаляет». Угадал?

– Честно говоря, меня не особо волновало, удастся ли медведям сожрать тебя на ужин. – Скарсбери вообще, казалось, ничего никогда не волнует.

– Ну еще бы вас это волновало. Вы же...

– У тебя был кинжал, – походя добавил инструктор и пошел прочь, не обращая внимания на вопли Саймона.

– Кинжал? Вы что, шутите? Предлагаете мне завалить медведя одним кинжалом? Как в каком-нибудь дешевом фильме? В этом лесу действительно водятся медведи? Эй, вы! Вы же учитель! Это же ваша ответственность! Это вы должны предупредить меня, что в здешних лесах есть медведи!

– Увидимся завтра на метании, Льюис, – Скарсбери исчез наверху лестницы, даже не оглянувшись.

– В лесу водятся медведи? – сам себя спросил Саймон. – Ну простой же вопрос. Почему Сумеречные охотники не умеют отвечать на самые простые вопросы?

Дни слились в одно бесконечное пятно. Саймон все время был чем-то занят. Если не метал в цель ножи и копья, то собирал тумачи на тренировках по боксу (Джордж потом извинялся, но что толку). Если не отрабатывал технику владения кинжалом, то фехтовал до посинения, неизменно сдаваясь на милость куда более искусным, чем он, Сумеречным охотникам. Если не бегал с мечом, то носился по полосе препятствий – в конце концов эта полоса надоела ему до зубовного скрежета, и он даже с Джорджем отказался ее обсуждать. Хорошо хоть Джон с Жюли все меньше позволяли себе шутить за обедом по поводу простецов.

На очередном занятии по метанию, когда Саймон уже ошалел от количества острых предметов, посланных им в цель, но так в нее и не попавших, Скарсбери раздал им луки.

– Я хочу, чтобы каждый из вас по очереди попробовал выбить мишень, – сказал он. – И надеюсь, что Льюис не застрелит ненароком кого-нибудь из своих коллег.

Саймон взвесил лук в руке. Отлично сбалансирован, в меру тяжелый, но управляться с ним должно быть легко. Он наложил стрелу и почувствовал упругое напряжение тетивы, готовой вот-вот освободиться и устремиться к цели.

Он отвел локоть, сильнее натягивая тетиву. Вот оно, «яблочко». Есть! Он выстрелил еще и еще раз; стрелы неизменно ложились именно туда, куда и планировалось. Руки горели, сердце от счастья колотилось, словно у бегуна на стометровке. Саймон радовался как ребенок, ощущая, что мышцы вновь ему подчиняются. Он снова чувствовал себя живым!

Саймон опустил лук. Остальные не сводили с него глаз.

– А повторить сможешь? – то ли спросил, то ли скомандовал Скарсбери.

Он учился стрелять в летнем лагере, но стоя здесь, с луком в руках, словно бы вспомнил что-то еще, давно забытое. Дыхание участилось, сердце колотилось уже где-то в ушах; нефиллимы не сводили с него глаз. Он все еще обычный человек, простец, представитель расы, которую все они презирают. Но он здесь, среди них, потому что убил демона. Саймон вспомнил: тогда он просто сделал то, что должен был сделать. Как и сейчас.

Тот Саймон и этот Саймон – не такие уж они на самом деле и разные.

Улыбка сама собой растянула губы чуть ли не от уха до уха.

– Ага. Думаю, что смогу.

За обедом Джон с Жюли внезапно стали куда общительнее, чем в последние несколько дней. Саймон рассказал им, как убивал демона, – все, что вспомнил. Картрайт великодушно предложил научить его парочке фехтовальных приемов.

– А я бы с радостью послушала еще что-нибудь о ваших приключениях, – размечталась Жюли. – Все, что вспомнишь. Особенно если это касается Джейса Эрондейла. Ты случайно не знаешь, откуда у него этот сексуальный шрам на шее?

– Э-э... Вообще-то... Вообще-то знаю. Это всё... это всё я.

Сумеречные охотники перестали жевать.

– Пришлось его укусить. Так, чуть-чуть. Я и распробовать-то толком не успел.

Повисла задумчивая пауза. Наконец Жюли опомнилась:

– Ну и как он, вкусный? Потому что выглядит Джейс вполне... м-м... аппетитно.

– Ну... Он же не пакет с соком.

Беатрис утвердительно кивнула. Кажется, девушек эта тема не на шутку заинтересовала. Как-то даже слишком. Вон, даже глаза разгорелись.

– Слушай, а как ты это сделал? Сначала вот так вот медленно добрался до шеи, а потом опустил голову и вонзился прямо в нежную, пульсирующую кожу?

– А ты лизал его горло или сразу укусил? А бицепсы его почувствовал? – Жюли смущенно пожала плечами. – Нет, ну а что такого? Мне просто любопытны все эти... вампирские штучки.

– Я прямо представляю себе такого мягкого и одновременно властного Саймона в этот волнительный момент, – мечтательно протянула Беатрис. – Ну... то есть он же был волнительным, правда?

– Нет! – рявкнул Саймон. – И хватит об этом. Я кусал нескольких Сумеречных охотников. Изабель Лайтвуд. Алека Лайтвуда. Так что ничего волнительного с Джейсом тогда не произошло, уж поверьте!

– Ты кусал Изабель и Алека Лайтвудов? – Жюли, похоже, была совершенно ошарашена. – А Лайтвуды-то тебе что сделали?

– Офигеть, – заметил Джордж. – Нет, я, конечно, могу представить, что страшные, смертельно опасные демоны – это вам не фунт изюму, но пока что твои приключения выглядят как безостановочное ням-ням-ням...

– Все было совсем не так!

– А нельзя ли как-нибудь сменить тему? – резким, неприятным голосом вмешался Джон. – Уверен, что вы там все делали то, что должны были делать, но Сумеречный охотник в роли кормушки для нежити – это омерзительно.

Саймону не понравилось, как Картрайт это сказал: как будто слова «нежить» и «омерзительно» означали для него практически одно и то же. Впрочем, может быть, он просто доса-

дует, что вообще ввязался в дискуссию. Неудивительно: Саймон помнил, как сам тогда места себе не находил. И уж тем более не желал превращать друзей в добычу.

День прошел на удивление неплохо. Не хотелось ничего рушить, пусть все идет как должно идти. Саймон определенно чувствовал себя намного лучше...

...до той минуты, когда он проснулся посреди ночи, беспомощно барахтаясь под напором воспоминаний, обрушившихся на него, как многотонный водопад.

Саймон и прежде помнил своего бывшего соседа по комнате. Помнил, что они были друзьями. Звали парня Джорданом. И этого Джордана убили. Вот только память до сих пор молчала о чувствах, которые он тогда испытывал. Каково это было – когда мать выгнала Саймона из дому и Джордан пригласил его пожить. Когда они разговаривали о Майе. Когда, болтая с ним, заливисто смеялась Клэри, – неудивительно, Джордан отлично умел нравиться девчонкам. Когда он, неизменно добрый и терпеливый, возился с ним, словно Саймон был не надоедливый вампиром, а работой, за которую платят большие деньги.

Он вспомнил, как Джейс с Джорданом рычали друг на друга, а через пять минут уже резались в «иксбокс». Как Джордан нашел его, Саймона, когда он пытался уснуть на жестком полу гаража. С каким неизбывным сожалением и вечной виной во взгляде он смотрел на Майю.

А еще Саймон помнил, как держал в руках его кулон с надписью «Praetor Lupus» – там, в Идрисе, когда Джордана уже было не вернуть. С тех пор он не раз сжимал в кулаке тяжелый кусок металла, пытаясь вернуть воспоминания и спрашивая себя снова и снова, что означает этот латинский девиз.

Саймон знал, что Джордан был его соседом по комнате. А потом пал одной из многочисленных жертв войны.

Но не понимал, что все это значит. Просто не мог почувствовать.

До сегодняшней ночи.

Воспоминания ударили так мощно, что на мгновение стало невозможно дышать, словно все камни Академии разом обрушились ему на грудь. Саймон выпутался из простыней, свесил ноги на край кровати и с облегчением почувствовал под ступнями остужающий холод каменного пола.

– Что... что такое? – пробормотал Джордж. – Опоссум вернулся?

– Джордан мертв, – отстраненным, бесцветным голосом ответил Саймон. И спрятал лицо в ладонях.

Воцарилась тишина.

Джордж не спрашивал его ни о чем. Ни кто такой Джордан, ни зачем ради него посреди ночи вскакивать с кровати. Вряд ли Саймон бы смог объяснить ему тот клубок из горя, вины и бог знает каких еще чувств, который терзал сейчас его грудь; как он ненавидит себя за то, что забыл Джордана, хотя все равно не смог бы ничем помочь; как он себя чувствовал, когда впервые понял, что Джордан погиб, – и когда снова и снова об этом вспоминал, бередя старую рану. Рот наполнился горечью, словно Саймон нахлебался старой-старой, древней крови.

Джордж потянулся и сжал его плечо, но руку убирать не спешил. Теплая и сильная, она стала якорем, наконец вытащившим Саймона из холодных, мрачных глубин собственной памяти.

– Мне очень жаль, – прошептал Джордж.

Саймону тоже было очень жаль.

Назавтра на обед снова был суп. Как и всегда. Утром, днем и вечером им дают все время одно и то же. Саймон уже не мог припомнить, как он раньше жил без этого восхитительного блюда, и потерял надежду когда-нибудь оказаться в мире без супа. Впору задуматься, есть ли у Сумеречных охотников руна, защищающая от цинги.

Они, как обычно, сидели вокруг уже ставшего родным стола и болтали, когда Джон вдруг заявил:

– Как бы я хотел, чтобы борьбу с демонами нам преподавал кто-то, кто выше всех этих дурацких правил. Если вы понимаете, о чем я.

– Э-э... – Саймон не скрывал изумления. Он в основном просиживал уроки охоты на демонов в уголочке и испытывал невероятное облегчение, что его никто не просит ничего делать. – А разве нам плохо преподают... борьбу с демонами?

– Ты в курсе, что я имею в виду, – ответил Джон. – Мы должны изучать и знать прежние преступления нежити. Магов, например. Мы должны бороться с Нижним миром. Так же, как и с демонами. Наивно предполагать, что мы их всех вот так вот взяли – и разом приручили.

– Значит, нежити, – повторил Саймон. Суп у него во рту словно превратился в пепел – неужто рецепт поменялся? – Например, вампиров.

– Нет, – перебила Жюли. – Вампиры – это круто. Знаешь, у них есть... как это... стиль. По сравнению с остальной нежитью. Но вот, например, оборотни – дело другое. Саймон, ты же должен признать – это совсем не такие люди, с которыми нам по пути. Если их вообще можно назвать людьми.

При слове «оборотни» Саймон не смог удержаться от мыслей о Джордане. Вздвигнув, как от удара, он понял, что больше ни секунды не выдержит. Оттолкнул тарелку с супом и отодвинул стул.

– Не рассказывай мне, что я должен и чего не должен, Жюли, – рявкнул он. – Да будет вам известно, что каждый оборотень стоит больше, чем тысяча таких задниц, как ты и Джон. Я сыт по горло вашими вечными издевательствами над простецами и напоминаниями, что «нет, Саймон, ты не такой, как они, ты особенный». Я вам что, домашний любимец? А даже если и так – на черта мне такие хозяева, которые измываются над всяким, кто моложе и слабее? И еще: я надеюсь, что Академия так-таки выполнит то, для чего предназначена, и простецы вроде меня переживут Восхождение. Потому что такими темпами без нас следующего поколения Сумеречных охотников может уже и не быть.

Он глянул в сторону Джорджа. Обычно тот сразу же подхватывал шутку и вообще был на одной волне с Саймоном – и за едой, и на занятиях. Соглашался с ним во всем.

Но сейчас он сидел, уставившись в тарелку.

– Да ладно тебе, – наконец пробормотал Лавлейс. – Хорош. Не... не надо. А то тебя отсюда вышвырнут. Просто сядь, мы все извинимся, и все станет как прежде.

Саймон глубоко вздохнул, унимая обиду и разочарование, и сказал:

– Я не хочу, чтобы все становилось как прежде. Я хочу, чтобы все изменилось.

Он отвернулся от стола – от всех нефилимов, – твердыми шагами прошел прямо к тому месту, где сидели ректор со Скарсбери, и объявил во весь голос:

– Ректор Пенхоллоу, я желаю перейти на поток для простецов.

– Чего? – переспросил инструктор. – В отстой?

Ректор с плеском уронила ложку в тарелку.

– Это называется курс для простецов, мистер Скарсбери! Будьте так любезны, не оскорбляйте наших учеников! Саймон, спасибо, что пришел с этим ко мне, – чуть поколебавшись, заявила Вивiana Пенхоллоу. – Понимаю, что тебе нелегко дается программа, но...

– Не то чтобы мне было нелегко, – поправил ее Саймон. – Скорее, я не хочу связываться с нефилимской элитой. Просто считаю, что мне с ними... э-э... не по пути.

Его голос, казалось, долетел до самых верхних замшелых балок потолка. Теперь на Саймона пялились все, кто был в столовой. В том числе и Марисоль, взиравшая на него полуудивленно-полузадумчиво. Но никто не произнес ни слова. Все таращились на него молча.

– Что ж, я сказал все, что хотел сказать, мне стыдно, и я пошел к себе, – закончил Саймон и поспешил исчезнуть, пока никто не опомнился.

И чуть не впечатался в Катарину Лосс – та наблюдала за происходящим, подпирая плечом косяк двери.

– Простите, – пробормотал Саймон.

– Ничего, – отозвалась маг. – Вообще-то я, наверное, пойду с тобой. Помогу собраться.

– Что? – переспросил Саймон, торопясь за длинноногой Катариной. – Значит, меня и правда вышвырнут?

– Ну, если это можно так назвать. Просто отстой живет в подвале, – объяснила она.

– То есть они запихнули маленьких детей в подземелье, и никому и в голову до сих пор не пришло, что это отвратительно?

– Серьезно, что ли? – весело отозвалась Катарина. – Еще ты мне будешь рассказывать, какие все Сумеречные охотники несправедливые. И не притворяйся, что для тебя это новость. А что касается подвала, то наши ангельские друзья утверждают, что в случае нападения подземелье будет легче защитить.

Она перешагнула через порог комнаты и оглянулась в поисках вещей Саймона.

– Я практически ничего не распаковал, – виновато потупился он. – Боялся опоссума в гардеробе.

– Боялся кого?

– Мы с Джорджем решили, что это тоже какая-то здешняя тайна, – искренне ответил Саймон, вытаскивая сумку и запихивая в нее раскиданные вокруг вещи. Форму он положил первой, боясь, что забудет о ней.

– Так, хватит об опоссумах, – перебила Катарина. – Я хотела поговорить о другом. Знаешь, я... наверное, я неправильно тебя поняла.

Саймон удивленно моргнул.

– То есть?

Маг улыбнулась.

– Я не особо-то стремилась сюда попасть, даже в качестве преподавателя, сам понимаешь. Сумеречным охотникам и нежити вместе делать нечего, а я и вовсе старалась держаться от нефилимов как можно дальше – в отличие от остальных представителей моего рода. Но когда-то у меня был друг по имени Рагнор Фелл. Он жил в Идрисе и преподавал в Академии – несколько десятков лет, пока она не закрылась. Не могу сказать, что он был хорошего мнения о Сумеречных охотниках – но он любил это место. А недавно Рагнор... в общем, ушел навсегда. Я знала, что в Академии не хватает преподавателей, и хотела сделать что-то в память о нем – несмотря на то, что идея учить кучку зазнавшихся нефилимских щенков меня, мягко говоря, не привлекала. Но своего друга я любила сильнее, чем ненавижу Сумеречных охотников.

Саймон кивнул, думая о своих воспоминаниях. О Джордане. О том, как невыносимо тяжело было смотреть на Изабель с Клэри. Без памяти они все потеряны друг для друга. А кто по доброй воле согласится потерять того, кого любит?

– Так что, когда мы сюда попали, я была немного не в себе, – продолжала Катарина. – И из-за тебя в том числе, потому что, как я знаю, ты не очень-то высокого мнения о тех временах, когда был вампиром. Но вот тебя исцелили, и ты – о чудо! – больше не вампир, и нефилимы тут же прибрали тебя к рукам. Ты достиг того, чего всегда хотел, – стал одним из них. От той поры, когда ты был одним из нас, уже почти ничего не осталось.

– Я не... – Саймон сглотнул. – Я ничего этого не помню. И временами чувствую себя так, словно на меня навесили преступления другого человека.

– И тебя это раздражает.

Он невесело рассмеялся.

– Вы даже не представляете насколько. Я не хочу... не хотел становиться вампиром. И не хотел бы снова им стать, честно. Остаться навсегда шестнадцатилетним, пока все друзья

и родные будут расти и стариться без меня? Все время думать, как бы не причинить никому вред? Я ничего этого не хотел. Я не особо много помню, но того, что помню, вполне хватает. И я помню, каким я тогда был человеком. В сущности, я таким и остался. И превращение в Сумеречного охотника тоже ничего не изменит – если я вообще когда-нибудь им стану. Может, я и много чего забыл, но этого я не забуду никогда.

Саймон повесил сумку на плечо и жестом попросил Катарину отвести его в новую комнату. Она стала спускаться по истертым каменным ступеням, которые – он точно это знал – вели в подвал. Неужели нефилимы и правда держат детей простецов в подземелье?

На лестнице было темно. Саймон оперся ладонью о стену, чтобы не потерять равновесие, и тут же отдернул руку.

– Ну и мерзость!

– Увы, большинство здешних стен – царство черной слизи, – притворно безразличным тоном заметила Катарина. – Будь осторожен.

– Спасибо за предупреждение.

– Не за что, – сдерживая смех, отозвалась она.

Саймону пришлось в голову, что они с магом так мило общаются впервые с момента их знакомства.

– Ты сказал: «Если я вообще когда-нибудь стану Сумеречным охотником». Что, решил все бросить?

– После того как я уже измазался в здешней слизи? – пробормотал Саймон. – Ну уж нет. Я вообще не знаю, чего хочу. Но бросать Академию пока что не собираюсь.

Впрочем, когда Катарина открыла дверь, он понял, что готов передумать прямо сейчас.

Планировкой комната ничем не отличалась от прежней, хотя была гораздо темнее. Те же узкие кровати с деревянными витыми колоннами. А в углах – вязкие черные водопады отвратительной слизи.

– Я, конечно, толком ад не помню, – Саймон с ужасом осматривался. – Но, сдается мне, там было куда приятнее, чем здесь.

Рассмеявшись, Катарина наклонилась и чмокнула Саймона в щеку.

– Удачи, светолуб, – она хихикнула, увидев ошарашенное выражение его лица. – И что бы ни случилось, не вздумай пользоваться ванными на этом этаже. На остальных тоже не надо, но здесь – ни в коем случае!

Саймон даже не стал спрашивать почему – оторопел от испуга. Присев на кровать, тут же вскочил – мебель издала жуткий скрип и выплюнула целое облако пыли. Соседа у него здесь, видимо, не будет – придется бороться с клаустрофобией и слизью в гордом одиночестве.

Собрав мысли в кучу, Саймон сосредоточился на том, что нужно сделать прямо сейчас. Надо распаковать вещи.

Гардероб встретил его девственной пустотой и чистотой. Хоть на этом спасибо. Он был таким огромным, что Саймон спокойно мог бы поселиться внутри. *Ага, и спать в обнимку с футболками.*

Он уже почти все разложил и развесил, когда в комнату ввалился Джордж с ракеткой наперевес и чемоданом за спиной. Колесики скрипели по каменному полу.

– Привет, приятель.

– Привет, – осторожно отозвался Саймон. – А... э-э... какого че... что ты тут делаешь?

Джордж, не обращая внимания на плотный ковер из слизи, свалил свои вещи на пол и с разбегу запрыгнул на кровать. Та зловеще взвыла, но Лавлейс и ухом не повел. Развалился на одеяле, свесив руки-ноги чуть не до полу.

– Как по мне, так продвинутый курс – он какой-то слишком сложный, – заявил он, увидев улыбку Саймона. – А я тебе, кажется, уже говорил: мы, Лавлейсы, – всем лентяям лентяи.

На следующий день занятий у Саймона было куда меньше. Так что они с Джорджем могли спокойно шататься по школе и сидеть вместе, а не за одним столом с тринадцатилетними простецами. Те и так весь день не давали им проходу – конечно, когда не шептались о своих телефонах.

А за обедом все оказалось куда круче.

На стул рядом с Саймоном шлепнулась Беатрис.

– Не, ты не думай, я не собираюсь бросать продвинутый курс, чтобы стать твоим верным последователем, как наш мистер Кудряшка, – она нежно дернула Джорджа за волосы, – но мы же можем остаться друзьями, правда?

– Эй, полегче, – устало отмахнулся Джордж. – Я в нашей милой слизистой комнатенке так и не смог заснуть. Мне кажется, там в стене кто-то живет. Я его слышу. Слышу, как он скребется там, внутри. А что до Саймона... Может, это не так уж и умно с моей стороны – решиться стать, как ты выражаешься, его верным последователем. Может, я вообще дурак. Может, неотразимая красота – это единственное мое достоинство.

– Вообще-то... я, конечно, не хочу торчать вместе с вами на скучных уроках и терпеть насмешки одноклассников... но то, как ты всех уделал, Саймон, – это просто класс, – закончила Беатрис и улыбнулась – тепло и восхищенно. На фоне шоколадной кожи ослепительно сверкнули зубы. Пожалуй, это было лучшее, что Саймон сегодня видел.

– Вот именно. Дух наш крепок, чего не сказать о стенах этой хваленной школы. А интересные предметы у нас тоже есть, – добавил Джордж. – И это... ты не волнуйся, Сай: нас с тобой все равно будут посылать в мясорубки с демонами и преступниками из Нижнего мира. Так что от скуки не помрем.

Саймон подавился супом.

– Меня другое волнует. Неужели наши преподаватели собираются отправлять на битву с демонами недообученных и недовооруженных простецов?

– Простецов необходимо испытать на храбрость, прежде чем они будут допущены к Восхождению, – объяснила Беатрис. – Непригодных лучше отсеять сразу. Неважно, из-за чего они уйдут: просто испугаются или демон оттяпает им ногу. Важно то, что лучше уйти, чем погибнуть при Восхождении.

– Какая замечательная, жизнеутверждающая тема для застольной беседы, – саркастически заметил Саймон.

– Ну, лично я с нетерпением жду, когда же нас отправят в реальный бой, – сказал Джордж. – Кстати, слышал, завтра приезжает какой-то Сумеречный охотник – проведет мастер-класс по использованию всякого разного оружия. Надеюсь, это будет захватывающее зрелище.

– Только не в спортзале, – предупредила Беатрис. – Прикинь, что боевой арбалет сделает со стенами?!

Предупреждение девушки еще звучало в ушах Саймона, когда он следующим утром вошел в спортзал. Джордж наступал ему на пятки.

Ректор Пенхоллоу уже разливалась перед учениками соловьем. Она явно пребывала в хорошем настроении. Спортзал забился до отказа, яблоку негде упасть: собрались и нефилиты, и простецы.

– ...Несмотря на юные годы, эта Сумеречная охотница уже снискала себе славу и признание. Кроме того, она научит вас обращаться с нестандартными видами оружия, например с хлыстом. Итак, поприветствуем нашего приглашенного преподавателя, первого в этих стенах за много лет: Изабель Лайтвуд!

Изабель резко повернулась к ним. Волосы гладкой темной волной взметнулись вокруг плеч, юбка захлестнула стройные ноги. Она выбрала темно-сливовую помаду, так что губы ее казались почти черными. Глаза темнели на бескровном лице – тоже черные.

Нет, они не черные. Очередной нож воспоминаний вонзился в сердце – естественно, совершенно не вовремя. Память услужливо подкинула картинку: когда Изабель только-только открывает глаза, они кажутся темно-карими, действительно практически черными. Но потом светлеют, приобретая мягкий оттенок благородного коричневого бархата...

Саймон споткнулся о ножку парты и с грохотом рухнул на стул.

Когда ректор наконец исчезла за дверью, Изабель несколько секунд разглядывала собравшихся в классе, даже не пытаясь скрыть презрение.

– Строго говоря, я здесь не за тем, чтобы показывать недоученным тупицам, за какой конец держать нож, – наконец процедила она и пошла вдоль парт, звонко постукивая шпильками по полу. – Хотите пользоваться хлыстом? Ну так тренируйтесь! А если случайно отхватите себе ухо, не рыдайте и не жалуйтесь.

Кое-кто из парней кивнул, как замороженный. Да почти все они не сводили с Изабель загнипнотизированного взгляда – словно кобры, пляшущие перед факиром. Многие девчонки тоже не отрывали от нее глаз.

– Я здесь для того, – девушка наконец перестала вышагивать и остановилась перед ними, грозно прищурившись, – чтобы разобраться со своей личной жизнью.

Саймон вытаращил глаза. Нет, она ведь не о нем говорит. Или о нем?

– Видите этого человека? – спросила она, ткнув пальцем в его сторону. *Значит, она все-таки обо мне.* – Это Саймон Льюис, и он *мой парень*. Так что, если кто-нибудь тронет его пальцем из-за того, что он простец, или – не дай Ангел, конечно, – будет на нем виснуть, я приду за вами, найду вас, где бы вы ни прятались, и сотру в порошок.

– Не-не, мы с тобой как братья, – быстро ввернул Джордж, пихнув Саймона локтем в бок. Беатрис предпочла отодвинуться подальше.

Изабель опустила руку. Краска волнения сбежала с ее лица, как будто девушка действительно приехала лишь для того, чтобы это сказать. И как будто бы она лишь сейчас начала осознавать, что именно только что произнесла.

– У меня все, – объявила Изабель. – Спасибо за внимание. Можете быть свободны.

Она развернулась и вышла из класса.

– Мне надо... – Саймон поднялся на ноги и тут же вцепился в парту – его шатало. – Мне надо выйти.

– Да иди уже, ради бога, – съехидничал Джордж.

Выскочив за дверь, Саймон понесся по коридору Академии. Он знал, что Изабель ходит нечеловечески стремительно, поэтому бежал так быстро, как никогда не бегал даже на тренировках. И все равно догнал ее только в холле.

– Изабель!

Услышав его голос, девушка остановилась – прямо в пятне тусклого света, лившегося сквозь витражное окно над входом. Она ждала Саймона. Губы ее приоткрылись и блестели, словно сладкие сливы, прибитые первым заморозком и оттого ставшие лишь слаще. Саймон будто со стороны наблюдал, как подбегает к ней, подхватывает на руки и целует – зная, что именно ради этого, именно ради него приехала сюда эта смелая, блистательная девушка. Душа его пела, купаясь в водовороте любви и нежности... но все это он видел словно через запыленное стекло. Будто все это происходило в другом измерении и не с ним: видеть можно, а прикоснуться – никак.

Саймон почувствовал, как тело, от макушки до пяток, пронзает горячая ослепительная молния. Нет, он все-таки должен это сказать.

– Я не твой парень, Изабель.

Она побледнела – резко, словно разом лишилась всей крови. Саймона чуть самого удар не хватил, когда он понял весь ужас сказанного.

– В смысле... я не могу быть твоим парнем, – поправился он. – Я не он. Я не тот Саймон, который был твоим парнем. Тебе нужен он, а не я.

С языка чуть не сорвалось: *«И мне жаль, что я не могу им быть»*. Когда-то эти слова были правдой. Из-за них он и оказался в Академии – чтобы научиться быть тем парнем, возвращения которого ждали его друзья. Саймон действительно хотел быть героем, которым все восхищаются, как в книгах или в кино. И был уверен, что ему это нужно.

Вот только для того чтобы снова стать тем Саймоном, которого все ждут, пришлось бы стереть того Саймона, который есть сейчас: нормального счастливого парня, любящего свою маму и не просыпающегося в самый глухой час ночи, чтобы снова и снова оплакивать погибших друзей.

А самое главное – Саймон не знал, сможет ли вообще стать тем, которого ждала Изабель. Независимо от того, хотел ли он сам этого или нет.

– Ты все помнишь, а я... я помню мало что, – продолжал Саймон. – Да, я причинил тебе боль, пусть и не нарочно... и я думал, что в Академии мне станет лучше. Но, кажется, это была плохая идея. Понимаешь, игра изменилась. И ее мне никогда не пройти, потому что уровень навыков уже не тот, а квесты стали на порядок слож...

– Саймон, – перебила Изабель, – ты разговариваешь как задрот.

Она произнесла это с такой любовью в голосе, что Саймон не выдержал и сорвался:

– И я понятия не имею, как снова стать для тебя тем же самым прилизанным и сексуальным вампиром по имени Саймон!

Прекрасный рот девушки искривился, словно темный месяц на бледном небосводе.

– Вот уж каким ты никогда не был, Саймон, так это прилизанным.

– Правда? Ну слава богу. Я просто знаю, что у тебя было много парней. Даже кто-то из фейри, если я ничего не путаю. И... – еще одна непрошенная вспышка памяти, – и лорд Монтгомери? Ты встречалась с лордом? Ну и как же, интересно, я могу тягаться со всем этим гаремом?

Изабель по-прежнему смотрела на него влюбленными глазами, но было видно, что она начинает закипать.

– Лорд Монтгомери – это ты, Саймон!

– Не понял. Когда становишься вампиром, тебе еще и титул дают?

А кстати, почему бы и нет? Вампиры – они же такие аристократы...

Изабель раздраженно потерла лоб над бровью. Ее жест мог означать, что она просто устала от всего этого. Но глаза были закрыты, словно девушка даже не хотела на него смотреть.

– Это была шутка. Наша с тобой личная шутка.

Саймон тоже чувствовал, что его все достало. Бесило, что он так хорошо знает Изабель, даже цвет ее глаз. Мучило, что он не тот, кого она хочет видеть.

– Нет, – возразил он. – Твоя с ним личная шутка.

– Он – это ты, Саймон!

– Нет, я не он. Теперь я все понял и не знаю... не знаю, что дальше делать. Я думал, что смогу научиться быть тем, прежним Саймоном, но с тех пор, как попал в Академию, с каждым днем все больше понимал: нет, не смогу. Я никогда не смогу пережить заново все то, что было между нами. И никогда не смогу быть тем самым славным парнем, которого все знают как Саймона Льюиса. Я просто стану другим. Другим Саймоном.

– А после Восхождения память вернется! – рявкнула Изабель. – И что тогда?

– До Восхождения мне еще минимум два года. Я как-то не расположен столько времени притворяться. И даже если память вернется, то... понимаешь, к тому моменту накопится столько новых впечатлений, что прежним я уже не стану все равно. Да и ты изменишься, Изабель. Ты в меня веришь. Я знаю об этом, потому что ты... ты всегда заботилась о том Саймоне. Мне... мне даже слов не хватает, чтобы все выразить. Но, Изабель... будет несправедливо,

если я воспользуюсь твоей верой. И несправедливо заставлять тебя ждать того, кто никогда не вернется.

Девушка скрестила руки на груди, судорожно вцепилась пальцами в бархат темно-сливовой куртки, словно ей внезапно стало жарко.

– Вообще-то здесь все несправедливо. Несправедливо, что у тебя из души просто взяли и вырезали огромную часть. Несправедливо, что нас с тобой разлучили. И я очень из-за этого злюсь, имей в виду, Саймон.

Он сделал шаг и взял Изабель за руку. Мягко отвел ее пальцы от многострадальной куртки. Не обнял, но встал совсем рядом, держа ладони девушки в своих. Губы Изабель тряслись, ресницы сверкали – то ли от упрямо сдерживаемых слез, то ли от туши с блестками.

– Изабель, – пробормотал он. – Изабель.

Девушка прижималась к нему, такая настоящая и живая, а Саймон... Саймон даже понятия не имел, кто он на самом деле.

– Тебе вообще известно, почему ты здесь? – вдруг требовательно спросила она.

Он глянул ей в глаза. За этим вопросом могло стоять все что угодно – и ответить на него можно было как угодно.

– В смысле, в Академии, – уточнила Изабель. – Знаешь, с чего ты вдруг захотел стать Сумеречным охотником?

Саймон колебался, не зная, что ответить.

– Хотел стать прежним, – наконец выдал он. – Тем героем, которого вы все помнили... А эта школа, кажется, как раз и учит быть героями, нет?

– Чушь, – отрезала девушка. – Академия – просто училище для Сумеречных охотников. Нет, это, конечно, крутое место, все дела, и я правда думаю, что спасти целый мир – это очень героический поступок, но... На свете есть и трусливые Сумеречные охотники, и злые Сумеречные охотники, и совершенно бесполезные Сумеречные охотники. И уж если ты решил окончить Академию, то должен хотя бы представлять, зачем тебе нужно стать одним из нас и что это для тебя значит, Саймон. Но если ты просто хочешь быть особенным, Академия – не то место, которое тебе нужно.

Он вздрогнул от безжалостной правды.

– Да, все верно. Я понятия не имею, что тебе ответить. Но я точно знаю, что хочу быть здесь. И точно знаю, что мне нужно быть здесь. И если бы ты посмотрела на здешние ванны, ты бы поняла, что это решение далось мне совсем нелегко.

Изабель проггла его испепеляющим взглядом.

– Но, – продолжал Саймон, – я не в курсе, зачем мне становиться Сумеречным охотником. Я не знаю – не помню – себя самого настолько, чтобы разобраться в этом. Я помню, что сказал тебе тогда. И я знаю, что ты надеялась услышать иное, – что я смогу вновь превратиться в того Саймона, которого ты знала. Но я ошибался. Прости меня.

– Простить? – заорала девушка. – Ты хоть представляешь, чего мне стоило припереться сюда и вот так вот выставить себя душой перед парочкой сотен недоразвитых кретинов? Ты знаешь... да нет, конечно, откуда тебе знать. Значит, не хочешь, чтобы я в тебя верила? Не хочешь, чтобы я тебя ждала?

Она вырвала руки из его ладоней и отвернулась – точно так же, как тогда, в саду Института. Только на этот раз, понял Саймон, это полностью его вина.

Изабель уже почти исчезла за дверью Академии, когда он услышал:

– Поступай как знаешь, Саймон Льюис. Меня это больше не касается.

Он не знал, как спастись от уныния. Казалось, после того как ушла Изабель – а точнее, после того как он ее выгнал, – Саймону уже никогда не хватит сил слезть с кровати. Растя-

нувшись поверх одеяла, он молча слушал болтовню Джорджа и отколупывал от стены гадкую слизь. Кусок чистой каменной кладки становился все больше.

Когда голос соседа по комнате окончательно его достал, Саймон все-таки нашел в себе силы подняться и спрятаться там, где, как он думал, его никому не придет в голову искать, – в ванной. Раковины были завалены битым камнем, в одной из кабинок виднелось что-то подозрительно темное. Он изо всех сил надеялся, что это остатки вылитого в канализацию супа, а не что-нибудь похуже.

Уединение в окружении унитазов продлилось ровно полчаса. Потом в дверь просунулась лохматая башка Джорджа.

– Эй, чувак, я бы не рискнул пользоваться здешними ванными. Еще больше расстроюсь, поверь.

– Даже не собирался, – мрачно ответил Саймон. – Может, я и полный лузер, но пока что не идиот. Просто хочу побыть один и пострадать в свое удовольствие. Кстати, хочешь, открою тебе страшную тайну?

Лавлейс помолчал пару секунд.

– Только если ты сам этого хочешь. Иначе – нет, не надо. У каждого должны быть тайны.

– Я только что порвал с самой удивительной девушкой, которую когда-либо встречал. Просто потому что слишком тупой, чтобы разобраться в себе. Вот она, моя страшная тайна: я хочу быть героем, но я не герой. Все думают, я такой крутой вояка, который на раз вызывает ангелов, спасает Сумеречных охотников и весь мир в придачу... а я даже не могу вспомнить, что тогда сделал. Не могу представить, как умудрился это сделать. Я никакой не особенный, а люди вокруг меня тоже не идиоты, водить их за нос долго не удастся. Я даже не знаю, зачем вообще приперся в эту дурацкую Академию. Вот как-то так. Ну что, хорошая тайна? Наверняка у тебя такой нет.

Со стороны кабинок донеслось утробное бульканье. Саймон даже головы не повернул. Источник странного звука его ничуть не заинтересовал.

– А я вообще не нефилим, – выпалил Джордж.

Сидение на холодном полу ванной как-то не способствовало большим откровениям. Саймон нахмурился.

– В смысле, ты не Лавлейс?

– Да нет, я Лавлейс, – обычно беззаботный голос Джорджа внезапно огрубел и посуровел. – Но я не нефилим. Я приемный ребенок. Сумеречные охотники, которые пришли к нам, об этом даже не подумали. Им не пришло в голову, что потомки ангелов могут усыновить ребенка простецов, дать ему обычное для Сумеречных охотников имя и воспитывать как родного сына. Я все время собирался сказать правду, но как-то не срослось. Потом решил, что расскажу все, когда приеду в Академию, – чтобы обратной дороги уже не было. А потом познакомился с другими учениками, да и занятия начались уже, и я понял, что вовсе не обязательно спешить и выбалтывать всем свою маленькую тайну. К тому же я видел, как они относятся к простецам. Ну и подумал, что вполне могу, никому ничего не говоря, попасть на элитный поток и учиться вместе с нефилимами. По крайней мере, какое-то время.

Джордж засунул руки в карманы и не сводил взгляда с каменных плиток под ногами.

– Потом я познакомился с тобой. И у тебя тоже не было никаких особенных талантов. Но, несмотря на это, ты уже умудрился сделать больше, чем все здешние зазнайки, вместе взятые. Ты не боялся проявлять характер – например, перешел к простецам, хотя вовсе не обязан был это делать. А следом за тобой и я. Да, я тоже сказал ректору, что я из простецов. Вот так мы снова оказались соседями. И всё благодаря тебе, понял? Так что хватит заниматься самобичеванием. Потому что я никогда не отправился бы в слизистый подвал или в такую же слизистую ванную следом за настоящим неудачником. А я – вот он, стою тут среди булькающих унитазов и болтаю с тобой. – Джордж помолчал и продолжил резким тоном: – Прости, кажется,

последнее предложение мне говорить не стоило. Но я не знаю, чем его заменить, так что пускай все остается как есть.

– Неважно. Суть я уловил, – отозвался Саймон. – И... спасибо, что рассказал. Я с самого начала надеялся, что буду делить комнату с каким-нибудь клевым простецом.

– А хочешь узнать еще один секрет? – вдруг спросил Джордж.

Саймон кивнул, мимоходом подумав: а вдруг Джордж – чей-нибудь тайный агент? Может, не стоило так откровенничать?

– Все, кто учится в этой Академии, – нефилимы и простецы, Зрячие и нет, – каждый из нас надеется стать героем. Мы все на это рассчитываем, добиваемся этого и с радостью прольем ради этого кровь, если будет нужно. Ты точно такой же, как и мы, Сай. За исключением только одного: мы хотим стать героями, а ты точно знаешь, что уже им стал. Пусть даже это произошло в другой жизни... да хоть в другой вселенной! Что бы ты там себе ни думал, ты – герой. И снова им станешь, если потребуется. Может, все произойдет и не точно так же, как в прошлый раз, но в тебе самом уже есть все, чтобы сделать правильный выбор. Это очень трудно выдержать. Но это куда лучше, чем вечно терзаться неизвестностью, как мы, все остальные. Вот о чем тебе надо подумать, Саймон Льюис: о том, что на самом деле ты – настоящий везунчик.

Саймону эта идея ни разу не приходила в голову. Он почему-то представлял, что вот поворачивается какой-нибудь таинственный переключатель – и Саймон Льюис снова становится прежним Саймоном Льюисом, героем, спасшим весь мир от уничтожения. Изабель права: если он просто хочет быть особенным, Академия – не то место, которое ему нужно.

Саймон вспомнил, как впервые смотрел на это старинное здание. Каким внушительным и прекрасным оно представлялось издали и каким оказалось на самом деле.

Ему вдруг пришла в голову мысль, что превращение в Сумеречного охотника чем-то похоже на тот злополучный спуск с холма к Академии. Раны от мечей напарников, убежавший конь, ужасный суп, даже слизь на стенах – все это приходится терпеть только лишь ради того, чтобы медленно, отступая и возвращаясь на каждом шагу, понять, кем же Саймон хочет стать на самом деле.

Джордж опрометчиво прислонился к стене ванной и ухмыльнулся. Эта ухмылка и то, что Лавлейс даже секунды не может побыть серьезным, напомнили Саймону кое-что еще из первого его дня в Академии.

Они напомнили о надежде.

– Кстати о везении. Изабель Лайтвуд – это отпад. Нет, не так. Она круче, чем просто отпад. Вот так просто пришла и заявила всему миру, что ты – ее парень! И я так понял, что никакой другой герой ей нафиг не сдался. Так что тебе и правда стоит задуматься, зачем ты здесь торчишь. Изабель Лайтвуд верит в тебя. И я тоже, если это для тебя хоть что-то значит.

Саймон уставился на Джорджа.

– Да, это очень много значит, – наконец пробормотал он. – Спасибо, что сказал мне все это.

– Да не за что. А теперь, ради всего святого, встань уже с пола, – попросил Лавлейс. – Тут, мягко говоря, не очень чисто.

Поднявшись на ноги, Саймон двинулся следом за Джорджем и в дверях едва не столкнулся с Катариной Лосс, которая тащила за собой огромную кастрюлю, противно скрежетавшую по каменным плитам.

– Мисс Лосс, могу я спросить, что вы делаете? – он опешил от неожиданности.

– Ректор Пенхоллоу решила, что не стоит пополнять кладовые свежими запасами, пока у нас еще остается такой восхитительный, вкусный, питательный суп. Так что я иду избавляться от этого варева – куда-нибудь подальше в лес, – объяснила Катарина. – Хватайся-ка за вторую ручку.

– Отличный план, – хмыкнул Саймон. Они с магом кое-как уравнили тяжеленную посудину между собой и направились к выходу. Джордж страховал их, то и дело поправляя грозившую перевернуться кастрюлю.

Потянулись длинные, продуваемые всеми мыслимыми и немыслимыми сквозняками коридоры Академии.

Саймон посмотрел на Катарину.

– У меня только один вопрос. Про здешний лес. И про медведей.

Кассандра Клэр, Робин Вассерман

Потерянный Эрондейл

Еще до приезда в Академию Саймон Льюис был на сто процентов убежден, что все физруки – демоны, сбежавшие из родных измерений, прижившиеся на Земле и больше всего на свете обожающие наблюдать за мучениями своих подопечных.

А теперь он получил тому доказательство.

Строго говоря, настоящего тренажерного зала в Академии не имелось. Да и Делани Скарсбери, инструктор по физической подготовке, был Сумеречным охотником, а значит, вряд ли мог оказаться демоном. Но его понятия об идеальной тренировке ушли не так уж далеко от демонических: например, выйти на охоту субботней ночью и отрезать пару-другую черепушек у какого-нибудь многоголового адского монстра. И в этом отношении он ровным счетом ничем не отличался от других физруков, с которыми Саймона за его недолгую, но бурную жизнь сводила судьба.

Саймон распластался на полу, не в силах больше отжаться ни одного раза.

– Льюис! – Скарсбери навис над ним. – Чего прохлаждаемся? Тебе что, отдельное приглашение нужно?

Ноги тренера по толщине могли бы спокойно поспорить с парочкой вековых деревьев. Бицепсы тоже не отставали. Пожалуй, только это и отличало его от школьных физруков, большинство которых ничего тяжелее пакетика с чипсами поднять не могли.

Да, и еще: никто из знакомых Саймону учителей физкультуры не носил повязку на глазу и не таскал повсюду устрашающий ангельский меч, изрезанный рунами.

Но в остальном Скарсбери был точь-в-точь как остальные его, за неимением лучшего слова, коллеги.

– Все посмотрели на Льюиса! – рявкнул он, обращаясь к классу. Саймон с трудом поднялся на локтях, изо всех сил стараясь снова не шлепнуться животом в пыль. – Наш герой даже с собственными ручками-макаронинками справиться не может.

Раздался одинокий смех – отчетливое хихиканье Джона Картрайта, старшего отпрыска выдающегося рода Сумеречных охотников (именно об этом он первым делом сообщал каждому новому знакомому). Парень верил, что рожден для славы и величия, и никак не мог смириться, что Саймон – убогий простец! – его обставил. Как будто Саймон мог что-то с этим поделать.

Именно Джон Картрайт первым стал называть его «наш герой». А Скарсбери тут же с упоением подхватил издевательства своего любимчика – как на его месте поступил бы любой физрук.

Все ученики Академии Сумеречных охотников делились на два потока. Первый предназначался для детей нефилимов, родившихся и выросших в Невидимом мире, – короче, тех, кому на роду было написано сражаться с демонами. Второе – для невежественных простецов, которые, естественно, ни происхождением, ни талантами не могли сравниться с Сумеречными охотниками.

Обычно простецы до изнеможения дрались в спортзале, изучая основы боевых искусств, и усердно зубрили Ангельский Завет – главный закон нефилимов. Сумеречные охотники развлекались метанием сюрикэнов, изучением демонов и выжиганием на себе очередных рун Несносного Зазнайства и фиг их знает чего еще. (Саймон все еще надеялся, что где-нибудь в учебниках нефилимов сыщется и секрет исполнения мертвой вулканской хватки из «Звездного пути». Не зря же их преподавы все время повторяют, что все сказки – на самом деле чистая правда.)

Но встречались оба потока ежедневно – по утрам, на восходе, на тренировочной площадке. Каждый ученик, вне зависимости от уровня своих умений, должен был целый час – дьявольски изматывающий час – потратить на физподготовку.

«Как учиться, так мы, типа, разные, – мрачно думал Саймон, чувствуя, что мышцы вот-вот откажут окончательно. – А как отжиматься, так всю школу сюда согнали».

Он вспомнил, как странно посмотрела на него мать, когда он заявил, что хочет поступить в военную академию, чтобы стать сильнее и закаленнее. (Не так странно, конечно, как если бы Саймон сказал, что хочет учиться в школе демоноборцев, чтобы испить из Чаши Смерти, пережить Восхождение в ранг Сумеречного охотника и обрести все воспоминания, потерянные в адском измерении, – но очень близко к тому.) А ведь тот взгляд говорил: неужели мой сын, Саймон Льюис, хочет подписаться на жизнь, в которой придется отжиматься по сто раз перед завтраком?

Он точно знал, что означает этот взгляд – потому что хорошо понимал свою маму. И потому, что, справившись с изумлением, Элейн Льюис спросила:

– Неужели мой сын, Саймон Льюис, хочет подписаться на жизнь, в которой придется отжиматься по сто раз перед завтраком?

И поддразнивающе добавила что-то в духе «уж не одержим ли ты демонами войны?».

Саймон притворно хохотнул, с ужасом пытаясь не обращать внимания на проблески воспоминаний, тут же замелькавшие в мозгу, – воспоминаний из той, другой, *настоящей* жизни. Из той жизни, в которой он стал вампиром, а родная мать назвала сына чудовищем и забаррикадировалась от него в собственном доме.

Порой Саймон готов был сделать все что угодно, лишь бы вернуть утраченную память. Но в моменты, подобные этим, невольно задумывался, что о некоторых вещах лучше не вспоминать вообще никогда.

Рвение и придирчивость Скарсбери сделали бы честь любому армейскому сержанту. Он так заботился о своих подопечных, что заставлял их делать *двести* отжиманий каждое утро... хорошо хоть не до, а после завтрака.

За отжиманиями – приседания. За приседаниями – прыжки. За прыжками...

– После тебя, наш герой, – ухмыльнулся Джон, приглашающе махнув в сторону скалодрома. – Если пустить тебя вперед, по крайней мере, не придется долго ждать, пока ты свалишься.

Сил не осталось даже на то, чтобы ответить ему что-нибудь ехидное. Саймон слишком вымотался. Одолеть эту стену – абсолютно невозможная задача. Поднявшись на пару метров, он остановился, чтобы дать ноющим мускулам хоть немного отдыха. Остальные ученики карабкались мимо, и ни один, похоже, даже не запыхался.

– Побудь героем, Саймон, – горько пробормотал он себе под нос, припоминая, как при их первой встрече Магнус Бейн соблазнительно описывал ему его будущую жизнь. – Рискни, Саймон. Саймон, как тебе идея превратить свою жизнь в бесконечный тренажерный зал?

– Эй, чувак, опять сам с собой треплешься? – на стене рядом замаячил Джордж Лавлейс, сосед Саймона по комнате и единственный его настоящий друг в Академии. – Совсем съехал, что ли?

– Я же сам с собой разговариваю, а не с маленькими зелеными человечками, – огрызнулся Саймон. – В последний раз проверял – вроде пока в своем уме.

– Вообще-то я имел в виду, – Джордж кивнул на потные пальцы друга, побледневшие от усилий, – что ты сейчас съедешь по стене.

– А-а. Да не, я норм. Вообще шикарно. Просто даю вам фору, ребята. В бою первыми гибнут краснорубашечники, типа того.

Джордж недоуменно нахмурился.

– Краснорубашечники? Наша форма вроде черная...

– Ты не понял. Краснорубашечники – это пушечное мясо. Да ладно, ты что, «Звездный путь» не смотрел?

Лавлейс таращился на него совершенно непонимающим взглядом. Саймон вздохнул. Может, Джордж и вырос в какой-то богом забытой шотландской дыре, но что такое Интернет и кабельное, он вроде знает. Проблема, видимо, в том, что смотрел он один лишь футбол, а вай-фай ему нужен был, чтобы следить за успехами «Данди Юнайтед» да закупать корма для овец.

– Забей. Я в порядке. Увидимся наверху.

Джордж пожал плечами и полез дальше. Саймон проводил соседа взглядом. Загорелый, накачанный парень, словно сошедший с рекламного постера «Аберкромби энд Фитч», он ловко и без малейших усилий цеплялся за пластиковые захваты, вделанные в камень, – ни дать ни взять Человек-паук. Смешно. Джордж даже не настоящий Сумеречный охотник – по крайней мере, не по крови. Приемный сын нефилимов, но родом из простецов. Впрочем, в отличие от Саймона и большей части остальных простецов, Лавлейс был само совершенство. Мускулистый до безобразия, с великолепной координацией, сильный и быстрый, он лишь самую чуточку не дотягивал до настоящего Сумеречного охотника – на ту самую чуточку, которую дает лишь бегущая по венам ангельская кровь. Короче говоря, спортсмен – он и есть спортсмен.

Жизни в Академии недоставало многих вещей. Саймон раньше думал, что никогда не сможет выжить без компьютеров, музыки, комиксов и «иксбокса». Но за последние два месяца как-то научился без них обходиться, хотя порой ему жутко хотелось занять голову хоть чем-нибудь.

Что ж, задротам-ботанам в Академии Сумеречных охотников не место.

Мама когда-то говорила: больше всего ей нравится в иудаизме то, что можно зайти в любую синагогу на планете и почувствовать себя там как дома – в Индии, в Бразилии, в Новой Зеландии, да хоть на Марсе (Саймон сразу вспомнил самодельный комикс «Шалом, космонавты!», который он собственноручно нарисовал в третьем классе еврейской школы). Евреи везде молятся на одном и том же языке, одними и теми же словами. Элейн Льюис (которая, кстати говоря, никогда не выезжала за пределы двух ближайших штатов) тогда сказала сыну: пока есть на свете люди, которые говорят на языке его души, он никогда не останется один.

И она оказалась права. Пока находились люди, которые говорили с Саймоном на одном языке – языке «Подземелий и драконов» и World of Warcraft, языке «Звездного пути», и манги, и песен типа «Nan Shot First» и «What the Frak», – он чувствовал себя среди друзей.

Но не здесь. Не среди Сумеречных охотников. Большинство из них наверняка думают, что манга – это просто какой-нибудь очередной кровожадный демон, мечтающий истребить человечество. Саймон изо всех сил пытался хоть как-то изменить эту ситуацию, но парни вроде Джорджа Лавлейса проявляли к двадцатиградным костям не больше интереса, чем он, Саймон, – к нагрузкам тяжелее прогулки и жевания жвачки.

Как Джон и предсказывал, Саймон оказался последним. Остальные уже добрались до верха, позвонили в колокольчик и спустились вниз по веревке, а он еще не одолел и десяти метров. В последний раз, когда такое случилось, Скарсбери усадил весь класс и заставил наблюдать, как Саймон корячится на стене. Но сегодня инструктор милостиво решил не длить пытку.

– Хватит! – Скарсбери хлопнул в ладоши, и Саймон невольно задумался, известно ли нефилимам о существовании свистков. Может, стоит подарить один Скарсбери на Рождество? – Льюис, прекратите всех нас мучить и спускайтесь уже оттуда. Остальные – марш в оружейную. Выбираем себе мечи и разбиваемся на пары. – Железная рука инструктора легла на плечо Саймона. – Не торопись, герой. Ты остаешься тут.

Саймон спросил сам себя: неужели наконец-то настал тот момент, когда убогое настоящее перевесило его героическое прошлое и его сейчас вышибут из Академии? Но Скарсбери назвал еще несколько имен – Лавлейс, Картрайт, Боваль, Мендоса, – и Саймон облегченно

перевел дух. Все – лучшие ученики класса, почти все – Сумеречные охотники. Что бы Скарсбери ни собирался им сейчас сказать, плохое они вряд ли услышат. Иначе среди них не было бы Джона Картрайта, золотого медалиста по подлизыванию к учителям.

– Сядьте, – буркнул Скарсбери.

Все сели.

– Вы здесь потому, что вы – двадцать самых лучших учеников класса, – Скарсбери помолчал, чтобы дать им в полной мере оценить сделанный комплимент.

Почти все тут же расплылись в улыбках; Саймон пожелал себе провалиться сквозь землю прямо здесь и сейчас. Инструктору надо было бы сказать: «Девятнадцать самых лучших учеников класса и еще один, который пытается выехать на своих прежних заслугах». Саймон снова почувствовал себя восьмилетним – именно тогда он подслушал, как мать уговаривает тренера Малой лиги поставить ее сына бьющим.

– У нас тут есть один обитатель Нижнего мира, который нарушил Закон, – продолжал Скарсбери. – Надо с ним разобраться. Наше руководство решило, что это прекрасная возможность вам, парни, стать настоящими мужчинами.

Марисоль Рохас Гарса, худенькая тринадцатилетняя из простецов, громко хмыкнула. На лице девочки, как обычно, играло ироничное выражение – что-то вроде «Я сейчас надеру тебе задницу».

– То есть... мужчинами и женщинами, – скрепя сердце поправился Скарсбери.

Между учеников побежали тревожные шепотки. Все заволновались. Похоже, никто не ожидал реальной тренировки вот так скоро после начала обучения.

Джон, сидевший за спиной Саймона, притворно зевнул.

– Скучно. Я могу укокошить нежить-отступника даже во сне.

Саймон вспомнил свои кошмары, в которых он действительно убивал и нежить, и устрашающих демонов с множеством щупалец, и Отреченных, и дьявол его знает каких еще кровожадных монстров, обступающих его со всех сторон, – и понял, что зевать ему совсем не хочется. Его затошнило.

Джордж поднял руку.

– Э-э... сэр, но ведь некоторые из нас... – он сглотнул, и Саймон в очередной раз задался вопросом, не пожалел ли уже Лавлейс о том, что открыл всем правду о своем происхождении. Все-таки Академия – гораздо менее мрачное место, когда учишься на элитном потоке, и не только потому, что в этом случае не нужно жить в подвале. – ...Некоторые из нас – простецы.

– Я это заметил, Лавлейс, – сухо ответил Скарсбери. – Представьте себе, как я удивлен, что отстой хоть на что-то способен. Пусть и не весь.

– Да нет, я имел в виду... – смутился Джордж.

Двухметровому шотландскому секс-богу (по определению Беатрис Велес Мендосы, полностью поддержанному ее узкоротой подругой) не пристало вот так быстро и легко пугаться. Впрочем, он быстро взял себя в руки и ринулся в бой.

– Я имел в виду, что мы – простецы. Нам нельзя наносить руны, пользоваться клинками серафимов, колдовским огнем и чем там еще положено пользоваться Сумеречным охотникам. У нас нет суперскорости и ангельских рефлексов. Устраивать охоту на нежить, когда мы проучились всего-то пару месяцев... разве это не опасно?

На шее Скарсбери тревожно запульсировала вена, а единственный глаз так страшно выпучился, что казалось, сейчас выскочит из орбиты. (У Саймона мелькнула мысль, что, по крайней мере, это объяснило бы происхождение черной повязки на втором глазу.)

– Опасно? – зарычал он. – Опасно? Кто еще тут наделал в штаны?

Если даже такие и были, все благоразумно держали рты на замке – инструктора Скарсбери ученики боялись куда больше, чем любую преступную нежить. Невыносимо долгую минуту висела тишина.

Инструктор снова поглядел на Джорджа и нахмурился.

– Если ты, слабак, боишься опасностей, то ты оказался не в том месте. А что касается остального отстоя... Вот мы и пойдем, есть ли в вас то, что нужно, чтобы пережить Восхождение. Потому что если нет, Чаша Смерти вас убьет. И поверьте мне: это куда хуже, чем если вас досуха выпьет какой-нибудь кровосос. – Скарсбери перевел тяжелый взгляд на Саймона – то ли потому, что тот когда-то был кровососом, то ли потому, что он больше прочих смахивал на «досуха выпитого».

На секунду Саймону подумалось, что инструктор выбрал его для этого задания специально – в надежде, что удастся избавиться от самой большой проблемы класса. Хотя... разве Сумеречный охотник, пусть он даже тренер в Академии, опустился бы до такой низости?

Откуда-то из глубин памяти всплыло воспоминание – скорее даже призрак воспоминания. Саймон понял, что ответ на этот вопрос далеко не так очевиден, как кажется.

– Это понятно? – взревел Скарсбери. – Кто-нибудь еще хочет обратно к мамочке с папочкой? Поплакаться им: «Ах, спасите меня от большого злого вампира»?

Мертвая тишина.

– Вот и славненько. У вас два дня, чтобы налечь на тренировки. Можете подбадривать себя тем, как будут впечатлены ваши маленькие друзья, когда вы вернетесь с задания. – Он насмешливо фыркнул. – Если вернетесь.

Зал отдыха встретил всех темнотой, плесенью и редкими мерцающими огоньками свечей. Со стен, из тяжелых позолоченных рам, сердито взирали на них Сумеречные охотники: Эрондейлы, Лайтвуды, Моргенштерны... бывшие герои кровавых сражений, сейчас едва угадывающиеся в потемневших мазках масляной краски. Это место, конечно, лучше спальни Саймона: оно не в подzemелье, здесь нет черной слизи, оно не воняет заплесневелыми носками (или это все-таки трупы бывших учеников, спрятанные под полом?) и не служит пристанищем для огромной крысиной семьи, неистово скребущейся за стеной.

Но, сидя в углу и играя в карты с Джорджем, Саймон той ночью осознал одно неоспоримое преимущество своей комнаты. Ее порог никогда бы не соизволили переступить ни Джон Картрайт, ни его поклонницы.

– Семерка, – сказал Джордж, когда Джон, Беатрис и Жюли замаячили у входа. – Бери карту.

Стоило этой троице появиться, Саймон постарался сделать вид, что *чрезвычайно* увлечен игрой. Он надеялся, что ему это удалось.

В нормальных школах-интернатах в зале отдыха на стене обычно висит телевизор. Здесь же это почетное место занимал гигантский портрет Джонатана, первого Сумеречного охотника; глаза его сверкали почти так же ярко, как лезвие меча. В нормальных школах слышна музыка, доносящаяся из коридоров и комнат, – временами даже неплохая. В нормальных школах есть электронная почта, мессенджеры и интернет. В Академии же свободное время занять было практически нечем. После уроков студенты изучали «Кодекс Сумеречных охотников», а потом шли спать.

Саймон не играл ни во что уже очень давно и чувствовал, что больше так жить не может. Квесты «Подземелий и драконов» потеряли для него прежнее очарование – оно и немудрено, когда весь день учишься убивать реальных монстров. Так что карты оказались самым близким и простым вариантом решения проблемы. Позвав Джорджа и охотно принимая в компанию каждого желающего, Саймон взялся за старые добрые, полузабытые со времен летнего лагеря «Казино», «Тысячу» и «Свиней».

Он подавил зевок.

Джон, Беатрис и Жюли стояли рядом, молча выжидая, пока на них обратят внимание. Саймон надеялся, что, если продержат их так подольше, они не вытерпят и уйдут. Беатрис, конечно, вовсе не так плоха, но вот Жюли – та словно вырезана из льда. Она практически не имела физических недостатков: шелковистые светлые волосы, как у куклы Барби, фарфоровая кожа модели с рекламы макияжа, фигура круче, чем у полуобнаженных красоток на плакатах, развешанных у Эрика в гараже, – но хищное выражение ее лица, словно она только что вернулась с задания «найти и уничтожить», напрочь отбивало всякие мысли о слабости этой куколки. К тому же на боку у нее болтался меч.

Ну а Джон – он и есть Джон.

Сумеречные охотники не пользовались магией – в этом заключался один из основных принципов их веры. Так что вряд ли в Академии Саймон выучит какое-нибудь заклинание, позволяющее вышвырнуть Джона Картрайта в другое измерение. Оставалось только мечтать.

Сладкая троица по-прежнему висела над душой. Наконец Джордж, от природы не способный никому хамить, бросил карты.

– Мы можем вам чем-нибудь помочь? – холодность его тона сделала шотландский акцент еще более заметным.

Все дружелюбие Джона и Жюли мгновенно растаяло, стоило им узнать, что Джордж на самом деле из простецов. И хотя шотландец ничем не выказывал своего отношения, было ясно, что он об этом не забыл и прощать их не собирается.

– Вообще-то да, – Жюли кивнула на Саймона. – То есть *ты* можешь.

Саймон был не в настроении. Да и как тут будешь в настроении, когда тебе светит подохнуть в лапах вампира, нарушившего Закон?

– Что вам нужно?

Жюли смущенно покосилась на Беатрис. Та не сводила взгляда с пола под ногами.

– Спрашивай ты, – пробормотала она.

– Лучше ты, – открестилась Жюли.

– Какого ангела?! – Джон закатил глаза. – Ладно, давайте я сам спрошу.

Он выпрямился, расправил плечи и, задрав свой королевский нос, упер руки в бока. Похоже, эту позу он долго репетировал перед зеркалом.

– Мы хотим, чтобы ты рассказал нам о вампирах.

Саймон осклабился.

– И что именно вы хотите знать? Самая страшная – Эли из «Впусти меня». Самый стильный – Лестат. Самый недооцененный – Дэвид Боуи в «Голоде». Самый сексуальный – определенно Друсилла. Хотя, если спросить у девочек, они наверняка скажут, что самый сексуальный – Дэймон Сальваторе или Эдвард Каллен. – Он пожал плечами. – Ну, это же девочки.

Девушки смотрели на него расширенными от ужаса глазами.

– Я даже не думала, что ты со столькими знаком! – восхитилась Беатрис. – И они... они все – твои друзья?

– Да конечно, мы с графом Дракулой закадычные приятели, – Саймон демонстративно скрестил пальцы. – А еще с графом Чокулой. А с графом Клёцкулой мы вообще друзья навек. Он такой обаяшка...

Он рассмеялся, но тут же оборвал смех. Никто его не поддержал. Кажется, никто даже не понял, что Саймон пошутил.

– Они из «ящика» все, – подсказал он. – Ну, или... из упаковки с быстрыми завтраками.

– О чем он говорит? – в замешательстве наморщив носик, спросила Жюли.

– Да кто его разберет? – отозвался Джон. – Только зря тратит время. Ему вообще на всех, кроме себя, плевать.

– Что ты сказал? – Саймон почувствовал, что начинает заводится.

Джордж выразительно кашлянул.

– Да пошел он. Не хочет говорить об этом – его дело.

– Дело-то его, а жизни-то наши, – Жюли с трудом моргнула, словно ей что-то попало в глаз. Или... Саймон задержал дыхание. Она сморгнула *слезу*?

– Что происходит? – растерянно спросил он.

Беатрис вздохнула и смущенно улыбнулась Саймону.

– Мы не хотим, чтобы ты рассказывал нам о чем-то личном или... э-э... ну, ты знаешь... болезненном для тебя. Мы просто хотим, чтобы ты рассказал нам все, что знаешь о вампирах, потому что ты... ну...

– Потому что ты сам был кровососом, – закончил за нее Джон. – Если ты, конечно, помнишь об этом.

– Проблема в том, что *я не помню*, – Саймон голосом выделил последние два слова. – Или вы еще не заметили?

– Ты так говоришь, – заспорила Беатрис, – но...

– Но вы думаете, что я лгу, – сам не веря в то, что произносит это, сказал он. Черная дыра в памяти – центральный факт всего его теперешнего существования. Саймону и в голову не могло прийти, что кто-то может в этом усомниться. Зачем об этом лгать? Да и кто из людей по доброй воле стал бы это делать? – Вы и правда так думаете? В самом деле?

Они закивали, один за другим... даже Джордж, хотя ему, по крайней мере, хватило ума сделать это неуверенно.

– И зачем мне такое симулировать, по-вашему?

– А зачем им запихивать тебя сюда, если ты и правда ничего не помнишь? – парировал Джон. – А так... это единственное, что имеет смысл.

– Ох уж этот безумный, безумный, безумный мир, – выдохнул Саймон. – Ребята, вот что вы видите – то так и есть.

– Иными словами, мы видим дырку от бублика, – ответил Джон.

Жюли недовольно пихнула его локтем в бок. Странно. Обычно она с восторгом соглашалась со всем, что бы ни сказал Картрайт.

– Ты обещал, что будешь *вежливым*.

– А нафига? Если он ничего не знает или не хочет нам рассказывать. Да и какая разница, в самом деле? В конце концов, там обычная нежить. Случались вещи и похуже.

– Можно подумать, ты знаешь! – отпарировала Жюли. – Ты вообще хоть в одном сражении участвовал? Видел хоть одного раненого? Убитого?

– Я же Сумеречный охотник, разве нет? – ответил Джон. Хотя ответом это, с точки зрения Саймона, назвать было трудно.

– Тебя не было в Аликанте во время Войны, – мрачно заметила Жюли. – Ты не знаешь, как это было. Ты никого не терял.

– Зачем ты мне это говоришь? – вызверился на нее Джон. – Не знаю, как ты, но я здесь затем, чтобы научиться сражаться, так что в следующий раз...

– Хватит, Джон, – попросила Беатрис. – Никакого следующего раза не будет.

Он пожал плечами.

– Всегда бывает следующий раз.

Джон произнес это, едва скрывая надежду в голосе, и Саймон понял, что Жюли была права. Картрайт ни разу не сталкивался со смертью, тем более лицом к лицу.

– Я видел мертвую овцу, – ясным голосом сказал Джордж, явно пытаясь разрядить атмосферу. – Это считается?

Беатрис нахмурилась.

– Не очень-то мне хочется драться с вампиром. Вот если бы это была феяри...

– Можно подумать, ты что-то знаешь о феяри, – заметила Жюли.

– Ну, я точно знаю, что не отказалась бы пришить парочку-другую.

Жюли резко выдохнула, словно кто-то проткнул ей легкое.

– Я тоже. Если бы это было так легко...

Саймон не особо-то разбирался во взаимоотношениях нефилимов с Нижним миром. Единственное, что он точно знал, так это то, что теперь фейри – враг номер один для Сумеречных охотников. Строго говоря, этим самым врагом для нефилимов был Себастьян Моргенштерн, развязавший Смертельную войну и обративший многих Сумеречных охотников в толпу поклоняющихся ему зомби. Но он давно мертв, а его тайные союзники, Благословенный народ, продолжают его темное дело. Даже Сумеречные охотники вроде Беатрис, ничего не знающие об оборотнях (ну, максимум, что те просто более волосаты, чем обычные люди) и восторженно вопящие от одного только упоминания имени Магнуса Бейна, не отзывались о фейри иначе, как о противных, расплодившихся повсюду тараканах.

– Джордж, сегодня утром ты был прав, – сказала Жюли. – Они не имеют права посылать нас вот так, в самое пекло. Мы не готовы. Никто не готов.

– Говори за себя, – мрачно заметил Джон.

Троица принялась препираться о том, легко ли убить вампира, и Саймон поднялся на ноги. Паршиво, если все думают, что он лжец. И еще паршивее, что частично он и есть лжец. Саймон не помнил ничего из тех времен, когда был вампиром, – во всяком случае, ничего полезного, – но вот остальное... Остальных воспоминаний вполне хватало, чтобы его передергивало даже от одной мысли кого-то убить. Пусть даже оно неразумное. Саймон был вегетарианцем, и список убитых им существ ограничивался экранными драконами и компьютерными морскими змеями.

Неправда, напомнил ему прозвучавший в голове голос. *У тебя руки по локоть в крови.*

Саймон предпочел пропустить это мимо ушей. То, что он ни о чем не помнит, конечно, не значит, что ничего страшного с ним никогда не происходило. Но стоит лишь притвориться, что это так, – и жизнь становится легче.

Но быстро исчезнуть не удалось – Джордж схватил его за руку.

– Прости за... за... ну ты понял, – попросил он. – Мне стоило бы тебе верить.

– Определенно стоило, – вздохнул Саймон, понимая, что сосед сейчас искренен как никогда.

Он уже прошел почти половину коридора, еле освещенного мерцающими свечами, когда услышал позади шаги. Его кто-то догонял.

– Саймон! – крикнула Жюли. – Подожди!

За последние несколько месяцев Саймон узнал столько всего, что голова шла кругом. Магия и демоны на самом деле существуют. Его воспоминания о прошлой жизни так же фальшивы и ненастоящи, как старые бумажные куклы его сестры. Ах да, а еще он все бросил, чтобы попасть в волшебную невидимую страну, и теперь учится драться с демонами. Ошибиться можно.

Но шизел Саймон не от этого, а от того, с какой скоростью увеличивался список потрясающих красоток, которым от него все время что-то было нужно. И его это не сказать чтобы сильно радовало.

Он остановился и дождался Жюли.

Девушка была выше его сантиметров на десять. Она стояла и смотрела на Саймона сверху вниз ореховыми с золотыми точечками глазами. Цвет их неуловимо менялся от малейшего ее движения и здесь, в тусклом свете канделябров, больше всего походил на жидкий янтарь. Двигалась Жюли с неуловимой грацией – как балерина, если, конечно, балерины имеют привычку резать людей на кусочки кинжалами, украшенными рунической вязью. Иными словами, она была Сумеречным охотником, и по тому, как она вела себя на тренировочной площадке, Саймон давно уже понял, что демоноборец из Жюли получится превосходный.

А как любой превосходный Сумеречный охотник, она не особо-то рвалась общаться с простецами. Даже с теми, кто спас мир практически ценой собственной жизни, хоть и не помнит об этом. И уж тем более не стала бы иметь дело с простецом, который когда-то был нежитью.

Но с тех пор, как в Академию заявила Изабель Лайтвуд и в буквальном смысле предъявила свои права на Саймона, Жюли не сводила с него пытливого взгляда. Не так, конечно, чтобы вот прямо сейчас попытаться затащить его в кровать, но Саймон определенно вызывал у девушки интерес. Она внимательно его рассматривала, как изучают под микроскопом букашку, и пыталась понять, что именно могло привлечь к нему красавицу вроде Изабель Лайтвуд.

Саймон, впрочем, не возражал. Ему нравилось острое, нетерпеливое любопытство, легко читавшееся во взгляде Жюли. Девушки, оставшиеся там, в Нью-Йорке, – Изабель, Клэри, Майя, – утверждали, что знают и любят его, и Саймон им верил. Но он понимал, что на самом деле они любят не *его самого*, а его двойника, того Саймона, который был с ними в Сумеречном мире. И когда они смотрят на него, то видят – хотят видеть – того, прежнего парня по имени Саймон.

Жюли, должно быть, его ненавидела – да нет, она точно его ненавидела, – но она тоже видела того, *другого* Саймона.

– Слушай, это правда? – наконец спросила девушка. – Ты ничего не помнишь? Не помнишь, как был вампиром? Демонические измерения? Смертельную войну? Вообще ничего?

Он вздохнул.

– Жюли, я устал. Давай сделаем вид, что ты задала мне эти вопросы еще миллион раз, получила миллион одинаковых ответов, и мы разбежимся, а?

Она взмахнула ресницами, и Саймон вновь задумался: может ли быть такое, что Жюли Боваль испытывает настоящие человеческие чувства? Что она пытается не расплакаться, неважно по какой причине? Но в коридоре было слишком темно, и все, что он мог разглядеть, – лишь неясные очертания лица девушки да тусклую золотую вспышку, когда ее кулон шевельнулся в ложбинке между ключиц.

Рука его сама собой дернулась к груди. Саймон вдруг вспомнил, как оттягивал его шею тяжелый камень, как вспыхивал он рубиновым светом. Вспомнил биение пульса под тонкой кожей – в такт ударам сердца; вспомнил выражение лица, с которым *она*, прощаясь, отдавала ему кулон. Осколки памяти никак не желали складываться в целое. Но стоило только спросить себя, с кем он так печально прощался, чье лицо видел перед собой, как в голове будто сам собой появился ответ.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.